

*Я требую от себя
исполнения своей мечты.*

ПРОЛОГ

Говорят, что когда-то, в давние времена, когда еще и времени как такового не было; еще до того, как наступила эпоха кланов, и даже еще до эпохи Королев, среди простых людей жил мужчина, который владел магией. Он не был фокусником, создававшим иллюзии хитростью, — он был магом, возможно, единственным, кто умел призывать магию по имени и подчинять ее своей воле.

Он видел хорошее в людях, с которыми пересекался его путь, — но видел и плохое. И каждый раз, когда случалось нечто плохое, он наблюдал, как оно расширяется и пускает корни. И тогда он придумал план, как с корнем выкорчевать все зло и пересадить его в другое место — туда, где оно не сможет причинить никому вреда.

Он отправился в путешествие к Лиаскай и, придя туда, обратился к ней, повелительнице всех земель: «Благая мать, я пришел, чтобы освободить тебя от зла. Все, что мне для этого понадобится, — участок твоей земли, место, куда никто не сможет пробраться, — там я заточу зло».

Но Лиаскай была против. Она ответила магу, что, если избавиться от зла, ослабнет и добро. К тому же кто волен решать, что хорошо, а что нет? Сколько частиц зла должно быть в ком-то, чтобы этот человек заслужил изгнание?

Так и получилось, что Лиаскай отказала магу в том, чего он так жаждал.

Тогда он разгневался и призвал магию с небес, чтобы Лиаскай увидела, что происходит с ее драгоценными людьми.

ми, если им достается слишком много власти. Магия обрушивалась на землю дождем, опутывала животных, растения и камни, пропитывала почву, давая ростки новой магии.

Но она была мощной и непокорной, и едва ли кто-то из людей обладал достаточной силой, чтобы ее приручить.

Лиаскай оставалось лишь беспомощно наблюдать, как ее любимые люди погибали от этой магии, как исчезали целые поколения и как тела людей превращались в прах.

Когда в живых осталось лишь несколько семей, маг обратился к Лиаскай во второй раз:

— Теперь ты готова дать мне то, чего я требую?

И Лиаскай сделала то, чего не делала никогда раньше, — и даже не подозревала, что вообще на это способна.

Она сдалась.

В глубочайшем отчаянии она оторвала от себя кусочек и протянула его магу. Зияющая рана, в которой тлеет ее скорбь, существует до сих пор: это — Бездонное ущелье.

И маг тоже пожертвовал частью себя: свою силу, способность обладать магией. Он разделил ее поровну среди пятерых выживших семей — так появились кланы.

Но на этом он не остановился: маг взял с собой ту часть земли, которую отдала ему Лиаскай, спрятал ее в складке пространства, где она оставалась невидимой, и создал там проклятое царство — каждый человек, оказавшийся в нем, лишался души и превращался в дэма.

Того из них, кто нес на себе больше всего вины, владельца всего дурного, он сделал Повелителем дэмов.

И весть об этом пространстве между мирами распространилась по всей земле. Смелые и отчаянные стали делиться друг с другом тайными знаниями о Повелителе дэмов и о том, что достаточно лишь знать его имя, чтобы использовать его силу в своих целях, — и каждого, кто совершит подлость по отношению к другому, он забирал в свое царство и превращал в своего раба.

С этой историей случилось то, что всегда случается с правдивыми историями: ее поглотило забвение. Раны зажи-

вают, слезы высыхают, а могилы порастают травой и лесами.

Но есть одно место, где память об этом сохранилась, потому что именно туда вернулся маг. Страна, в которой тогда не было людей, а значит, некому было собрать магию и подчинить ее себе.

Страна, чей юный народ считает горы своей семьей, а ветра — своими друзьями.

Добро пожаловать в Немию.

ГЛАВА 1

ЛЭЙРА

Ночь ускользала слишком быстро.

Решительным движением я убрала шкатулку в тайник под половицей. Браслет из алого агата остался в ней. Там, куда я отправляюсь, мне не понадобятся украшения — особенно если они обжигают воспоминаниями. Я возьму с собой только крошечный, размером с горошину, круглый камень, который висит у меня на шее на кожаном шнурке, но спрятан под холщовой рубашкой. Пока что талисман из него получался не слишком хороший, но кто знает, может, наше время еще наступит. Магия в нем едва ощущалась, но этого более чем хватило бы, чтобы навлечь на маму неприятности, если бы кто-то его нашел.

Сначала ожидание казалось бесконечным, но сейчас, когда я наконец-то собрала вещи — провиант на несколько дней, воду, сменную одежду, целебное средство и цветочный фонарь, который тихо и мирно светился в моем заплечном мешке, словно все было как обычно, — уже нужно было спешить, чтобы покинуть долину до восхода солнца. Мое исчезновение заметят довольно рано. И как только князь, который был для меня вовсе не только князем, узнает об этом, за мной ринется вся гвардия Немии. Но чтобы освободить Десмонда, я была готова навлечь на себя и куда большие опасности. Встретиться лицом к лицу с Повелителем дэмов и всеми его порождениями. По сравнению с ними, чем меня могут напугать люди?

Что-то в темноте заставило меня насторожиться, и я прислушалась, но ничего больше не услышала. Возможно, это просто

сквозняк гуляет в дощатых стенах? Мама перестала сопеть во сне, и в комнате стало тихо, как в могиле.

Быть может, однажды такая тишина воцарится навсегда.

От этой мысли я ощутила в груди пустоту, в которой каждый удар сердца отзывался гулким эхом. Сильнее всего мне хотелось броситься к матери, разбудить ее и обнять изо всех сил. Глупая, наивная мысль. Я бы просто сделала ей больно. Она стала так слаба. Боль в руках и ногах пожирала ее медленно, но неотвратно. В хорошие дни она еще ходила к фонтану, чтобы помыться, в плохие ей нужна была помощь, даже чтобы пересесть с кровати на кресло. Обычно люди заболевали *увяданием* в старости. Но мама заболела еще в молодости, и с каждой зимой ей становилось все хуже.

От мысли, что я оставляю ее одну, меня окатывало ледяным холодом, словно налетал *мюр*, северный ветер. Впрочем, я попросила нашу соседку Анкен позаботиться о маме, и я знала, что она поступит по совести. Но как я могла уходить, не зная, смогу ли я вообще вернуться? Как долго станет ждать Анкен? Когда она догадается, что я соврала, что я вовсе не отправилась на поиски редких трав для лекарства?

Я тихо опустилась на колени рядом с сундуком для одежды и распахнула крышку. Глубоко внизу, под платками, рубашками, халатами и грубыми штанами для работы в конюшне — вещами, которые мне когда-то совершенно нельзя было носить, — лежало мое последнее бальное платье. Изумрудно-зеленое платье, которое мы не стали ни продавать, ни перешивать на что-то более практичное после того, как нас сослали в эту деревню. Мама всегда считала, что оно мне еще пригодится. В каком-то смысле она была права, так как в складках его юбки меня поджидал мой *мюродем* — традиционное оружие жителей Немии, которое мне приходилось прятать, потому что была недостойна его носить. Я вытащила изогнутый клинок, который уже несколько дней точила и полировала, а за ним и ремень с кожаными ножнами, которые я чистила и натирала маслом. Они были подогнаны под мою фигуру, и *мюродем* держался на боку так сбалансированно, словно был частью моего тела. А вот заплечный мешок оказался тяжелым. Теперь осталось натянуть перчатки, без которых я никогда не покидала нашу хижину. Я оглянулась еще раз, скользя

взглядом по очертаниям шкафа и сундука, по своей постели и по кровати, где спала мать. Больше в нашем домишке места ни на что не оставалось. В соседней комнате была кухня, и мы с мамой натыкались друг на друга, если пытались зайти туда одновременно.

— Лэйра?

Услышав тихий мамин голос, я закрыла глаза и беззвучно вздохнула. Теперь мне придется прощаться с ней, вместо того чтобы обойтись объяснениями в письме, которое я оставила на столе у ее кровати.

— Луилэйра, ты проснулась? Пожалуйста, принеси мне немного воды.

— Сейчас.

Я метнулась к кухонному столу, где стоял графин, и наполнила стакан водой. Руки дрожали так сильно, что несколько капель пролилось на деревянный пол, превратившись в темные пятна. Наполнив стакан, я отнесла его маме. Она взяла меня за руку и жала ее.

— Спасибо, милая. Извини, что я тебя разбудила. Мне стоило раньше об этом позаботиться, тебе нужен сон.

— Все нормально, — перебила я ее. — Я все равно не спала.

Замечает ли она, что я одета? Что я уже надела и холщовые штаны, и даже кожаные перчатки? В плохие периоды болезнь затуманивала ее разум, и она воспринимала все словно в тумане. Но то, что она не заметила даже шерстяную накидку, которая в темноте превращала мой силуэт в бесформенную тень, ужаснуло меня. Могу ли я уйти, если она в настолько плохом состоянии?

Я помогла ей попить, а потом взяла платок, чтобы вытереть пролившиеся из ее рта капли. Мама выглядела плохо, ее кожа казалась серой. Ответ стал мне ясен, как чистое звездное небо. Я должна идти. Не только ради Десмонда, но и ради нее.

— Мне нужно уйти на пару дней, — прошептала я. — Но не беспокойся ни о чем, ладно? Анкен хорошо о тебе позаботится.

К моему удивлению, она улыбнулась — я отчетливо увидела это в лунном свете, падавшем на ее осунувшееся лицо.

— Ты отправляешься в замок, Лэйра? Собираешься встретиться со своим возлюбленным?

Как хорошо, что она не заметила, как мои глаза наполняются слезами.

— Да, мама. Я собираюсь встретиться с Десмондом.

Но я отправлялась вовсе не в замок, потому что мой любимый был уже не там. Он находился совершенно в другом месте.

— Я переживаю, как бы нам снова не пришлось переносить свадьбу. К концу лета, мама, ты снова будешь жить в замке, в одном крыле с семьей Десмонда. Тебе больше не придется мерзнуть, когда наступят осенние ливни, а потом их сменят *мюр* и зимние холода. И тогда о тебе будут заботиться лучшие целительницы. После свадьбы все изменится к лучшему.

Сказать, что все будет хорошо, нельзя: это уже невозможно. Но все станет лучше.

— Самое главное, Лэйра, — там я увижу, как ты танцуешь.

Я заставила себя слабо улыбнуться.

— Тогда ради тебя я буду танцевать каждый день.

Стоя рядом с ее кроватью, я подождала, пока по шумному дыханию мамы не станет ясно, что она снова заснула, и наклонилась над ней, коснувшись губами ее волос.

— Не сердись на меня, мама. Ты этого не одобришь, но я делаю это для тебя.

Затем я взвалила на плечи тяжелый дорожный мешок, взяла в руку свои кожаные сапоги и отнесла их к двери. Тихо, теперь, главное, тихо.

Лишь чуть-чуть приоткрыв дверь, я протиснулась в щель — было холодно, несмотря на то, что уже начиналось лето, — а затем закрыла ее за собой, миллиметр за миллиметром, пока не щелкнул замок. Щелчок прозвучал словно тайный сигнал, и я застыла, ожидая, что в окнах соседних домов вспыхнет свет, двери распахнутся и улицу заполонят гвардейцы.

«Соберись», — приказала я себе и мысленно попросила горы хоть немного защитить меня, укрыв своей тенью. Я почти ни с кем не разговаривала о своих планах и оделась так, чтобы не привлекать внимания. Когда несколько дней назад до деревни дошли первые слухи о проклятии, павшем на Десмонда, я, как и все остальные, сначала не хотела им верить. Но потом я внезапно получила доказательство — доказательство, которое не оставляло места для сомнений. Письма, которые Десмонд от-

правлял мне, прямо у меня в руках обратились в пепел. Каждый ребенок в Немии знал, что происходит, когда Повелитель является за кем-то и забирает его: он уничтожает все, что было создано руками этого человека. После каждого человека остается хоть что-то бессмертное. Повелитель забирает эту частицу бессмертия и уничтожает ее.

И все же только после того, как было официально объявлено, что Повелитель дэмов забрал сына и наследника верховного министра, Десмонда эс-Йафанна, после того, как неизвестный проклял его, я позволила себе расплакаться. Все жители деревни понимали меня, в конце концов, я только что потеряла своего возлюбленного. Но никто здесь и предположить не мог, что я собираюсь отыскать проклятое Царство дэмов, предстать перед его повелителем и потребовать, чтобы он освободил Десмонда. Никто не ожидал этого от меня — тихой, сдержанной, совершенно незаметной Лэйры.

В деревне я слыла книжным червем, и потому многие ломали голову над тем, что во мне нашел такой человек, как Десмонд эс-Йафанна. Я ведь была совершенно, абсолютно обыкновенной — за исключением того отвратительного обстоятельства, что я была изгнанницей.

Уже пять лет я обеспечивала себя и маму, продавая сыр из молока наших коз и яйца, снесенные нашими курами. Кроме того, я торговала дикими и целебными травами, которые собирала в горах, куда осмеливались отправляться немногие. Больше никто ничего обо мне не знал. Они не знали ни об истинной причине, заставлявшей меня отправляться в горы, ни об окольных путях, которые мне приходилось отыскивать, чтобы продавать товары, о которых я никому не рассказывала. Даже мама не знала, из каких средств я оплачивала лекарство от ее болезни, а если бы и знала — о, она уже давно была не в том положении, чтобы меня наказывать, но в этом случае она бы забыла о своих ограниченных возможностях и как следует меня поколотила бы. При любых других обстоятельствах она никогда не стала бы грубо обращаться со мной, ее даже нельзя было назвать строгой. Только в одном-единственном случае мама не знала ко мне милости. Потому что законы Немии были таковы, и мама тщательно заботилась о том, что-

бы никто не узнал: я нарушаю один из них самым своим существованием.

Почему же только сейчас, когда я кралась в лунном свете между простых деревянных домов, мне начало отчетливо казаться, что кто-то преследует меня? Я была одна на пыльных дорогах, единственным признаком жизни оказался запах дыма, который днем и ночью доносился из находившейся неподалеку кузницы. Даже в курятниках царил покой. Какие-то звуки доносились из леса, рядом с которым я старалась держаться. На ветру шелестела листва, и где-то кричал филин.

Когда я оказалась среди деревьев с их раскидистыми кронами, меня окутал полумрак и мне пришлось достать цветочный светильник, чтобы не сбиться с пути. Внутри стеклянного шара в воде плавала золотисто-зеленая речная ветреница, испускающая густой, простиравшийся далеко свет, позволявший мне видеть узкую тропинку и уворачиваться от низких веток. Но там, докуда не достигал этот свет, царила абсолютная чернота. Из нее доносились треск и шорох, словно кто-то шел следом за мной. Но когда я замирала на месте и прислушивалась, сразу же становилось совершенно тихо.

Только через несколько часов, когда между ветвей стал проникать тусклый свет, возвещая о наступлении раннего утра, мне стало ясно, что следом за мной не крадется никто, кроме моего собственного чувства вины.

ГЛАВА 2

ДЕСМОНД

В песнях поется о том, что смерть прекрасна. Теплая и мирная, исполненная света и гармоничной музыки; по крайней мере, если после смерти человек оказался в руках Лиаскай.

Все песни вдали.

Теперь Десмонд жалел, что никогда не полагался на веру, и вместо этого ему всегда хотелось задавать каверзные вопросы, почему же священники и ученые хотят узнать что-то о смерти, если все они полны жизни. Потому что, если бы он им верил, теперь бы он точно знал, что жив.

Пока он лежал с закрытыми глазами, кажется, прошла целая вечность. Его тело онемело от холода, во рту пересохло, а лицо было покрыто чем-то клейким, ледяным, мокрым. Чудовищно воняло, словно его вывернули наизнанку и забросали его собственными внутренностями, чтобы он под ними сгнил. Но пока он лежал, не рискуя открыть глаза и обнаружить, что он действительно умер и теперь принадлежит вечности, еще оставалась надежда, что есть какое-то объяснение. Что из этого холода можно выбраться.

Он не помнил ничего необычного. Разве он не отправился спать, точно так же, как и в любой другой день? Он припомнил, что повесил на стул штаны и рубашку. Сквозь синее оконное стекло было видно ночное небо, значит, было уже поздно, уже почти наступало утро. Почему он пошел спать так поздно? Он вспомнил музыку. Танцы на террасе, куда песни и музыка доносились лишь приглушенно. Ему стало холодно, но он больше не хотел — вот только почему? — возвращаться в бальный зал, хотя

там все его ждали. Вместо этого он проскользнул мимо многочисленных гостей, вернулся в свою комнату, швырнул о стену хрустальный бокал и запрокинул голову, отпивая бренди прямо из бутылки. С севера дул *мюр*, а он пил бренди из бутылки! Бросил бокалом в стену! Но почему? Его что-то рассердило? Он был в отчаянии? Расстроился? Все словно стерлось. Он пошел спать, и последнее, что он помнил, — мягкий, теплый мех его охотничьего пса Бо, прижавшегося к его холодным ступням.

На мгновение он погрузился в свои мысли и едва не уснул, побежденный усталостью. Но тут же Десмонд вспомнил о снах, которые мучили его каждую ночь и теперь снова угрожали утащить его с собой. Кошмары о жутких созданиях с длинными мордами, острыми клыками, видневшимися из-под приподнятых губ, с крыльями и острыми когтями, с кожистыми перепонками между пальцами. Они хватали его за руки, за ноги, за шею и волосы и волокли куда-то в глубочайшую тьму. Ох, он предпочтет остаться здесь, в холоде, посреди вони, чем снова погрузиться в эти сны.

Деваться некуда — он должен был встретиться лицом к лицу с тем, что ждало его в темноте за закрытыми веками.

Он осторожно приоткрыл глаза. Веки слиплись, и ему пришлось липкими пальцами стереть засохшую корку с ресниц. Пораженный, Десмонд обнаружил, что лежит полуголый на дырявой подстилке из грязной, заплесневелой соломы. Его ограбили и сбросили в сточную канаву? На нем остались только панталонны, в которых он лег спать, и они совершенно промокли, потому что в щелях между камнями под ним застоялась вода. Десмонд в ужасе втянул воздух, когда его медленно прояснявшийся взгляд различил в мерцавшем свете факелов на стенах прутья решетки. Это была темница. Может быть, он... Он распрямился, дрожа, поднялся на колени и подполз к решетке. Камера, в которой его заперли, выглядела вполне обыкновенной: каменный пол, три стены из камня, а четвертая — бронзовая решетка. Рядом с соломенной подстилкой стояло жестяное ведро, вероятно, для справления нужды. Увиденное потрясло его. Нет, это не темница в замке рода эс-Ретнея, где он чувствовал себя как дома. Несмотря на запреты, еще ребенком он вместе с Лэйрой и Викой забирался туда, в поисках бандитов, контрабандистов

и любителей приключений. Но среди заключенных он встречал лишь сломленных, несчастных бедняков, которые готовы были целовать ему ноги за кусок сыра или ветчины.

Десмонд помнил те времена достаточно хорошо, чтобы сообразить, что ни в одной темнице замка не было бронзовых решеток. Он положил ладони на холодный металл, крепко сжал пальцы и с трудом поднялся на ноги. Колени подгибались так сильно, что он едва не упал.

Откуда-то снаружи донесся тихий смех.

— Посмотри-ка. Принц проснулся.

— Вы считаете, что я принц? — Десмонд охотно рассмеялся бы в ответ, чтобы собеседник решил, будто он не боится. Но даже произнести несколько слов оказалось трудно. Язык распух, как дохлая рыба на жарком летнем солнце.

— Он так считает, — ответил голос молодого мужчины, может быть, даже еще юноши. — Повелитель.

— Твой повелитель ошибся, — глухо возразил Десмонд, смахивая прилипшую к груди влажную солому. *Кем бы ни был твой повелитель.*

Собеседник немного помолчал. Потом хрипло произнес:

— Осторожнее, думай, что говоришь. Если они услышат...

Проклятье, о ком он?

— Если Повелитель тебя услышит...

Повелитель, повелитель... Это единственное слово так упорно крутилось в его мыслях, что ему стало дурно. Конечно, он подозревал, кого имеет в виду говорящий — видимо, другой заключенный. Только одно существо могло носить этот титул. Но Десмонд не сделал ничего такого, за что его стоило бы бросить в темницу Повелителя дэмов. Он ничего... Ужас ледяным комком застыл у него в груди, когда он осознал, что многого не помнит о вчерашнем вечере. Он разозлился... разозлился на... он просто никак не мог понять. Слишком много бренди? Было что-то еще.

Небесная трава — он жег небесную траву и надышался ее дымом. Это должно было успокоить его, но в сочетании с бренди и чувством вечного холода это не помогло. Он еще сильнее углубился в воспоминания, но отыскал лишь горькое послевкусие гнева. Он с кем-то поссорился? Но с кем? И почему?

Что произошло? Его снова охватила дрожь — на этот раз не столько от холода, сколько от ужаса из-за того, что он мог совершить. Это должно быть что-то непростительное, если на него из-за этого пало проклятье.

— Они идут, — прошептал другой человек, и его голос внезапно задрожал от страха. — Возвращаются снова. Они услышали тебя, лучше бы тебе помолчать.

Десмонд тоже услышал раздающиеся в коридоре шаги, топот множества подошв, которые двигались синхронно, словно принадлежали одному существу.

Услышав доносившийся из соседней камеры шорох, он понял, что второй пленник отодвинулся к дальней от решетки стене.

Но Десмонд расправил плечи и остался стоять у самой решетки.

Да, они пришли. Они пришли, чтобы отвести его на допрос. Он узнает, в чем его обвиняют. Если он совершил какой-то проступок, он искупит вину. Ничто, никакое наказание, никакая причина не может быть ужаснее, чем это ощущение, будто он совершил что-то непростительное и понятия не имеет, что именно.

Потому что проклятье дэмов может постичь человека лишь за какое-то непростительное деяние.

ГЛАВА 3

АЛАРИК

— Сыграешь еще раз огненную песню, прежде чем мы пойдем домой?

Бовен нервно хмыкнул, но все же улыбнулся в бороду. Никто не мог отказать Калейе, и уж точно не брюзгливый старый телохранитель, пусть даже он постоянно ругался на то, как избалована эта девочка.

Скрывая улыбку, Аларик снова опустил взгляд на свой рисунок, а Бовен тем временем поднес к губам рог и извлек из небольшого музыкального инструмента kloкочущий звук, который не слишком подходил к дикой огненной песне и уж выглядел неподходящим для стареющего воина, каким был Бовен. Но в этом путешествии у них не было с собой другого инструмента — а Бовен больше не умел ни на чем играть.

Сосредоточившись на линиях, которые он вырисовывал углем, на треске пламени и его отсветах, Аларик дал волю размышлениям. Еще одно или два полнолуния назад они снова вернулись домой, и Аларик до сих пор так и не понял, был ли он рад увидеть своих родителей после долгого путешествия или страх все же перевешивал. Когда близнецы вместе с Бовеном отправились в путь, чтобы путешествовать по всему континенту (как и пристало детям княжеского рода фон Кеппох), им было десять. Теперь им исполнилось двенадцать, и, когда они возвращались к родному двору, от них ожидали проявления силы, разумности и мужества взрослых. Справится ли он? Он до сих пор иногда видел дурные сны, а потом весь день не мог отвязаться от мыслей, что это — дурное предзнаменование.

Вот и в эту ночь ему снился такой же кошмар. Серым утром он доверил свои тревоги Калейе. Должно произойти что-то плохое, он явно это чувствует! Но она высмеяла его — эта его ненормальная сестра-близняшка с огненно-рыжими волосами и синими, как лед, глазами. Но ей и не приходилось бояться, что она не оправдает ожиданий отца. Калейя была настоящей гордостью отца, воплощением всего того, чего может ждать от своего ребенка кеппоханец. Она была стремительной, умной и сильной, и у нее были огненно-алые волосы. У Аларика волосы, напротив, были черными, как у матери, и только при свете дня в них можно было заметить бледные проблески темно-красного. Не похоже на признак особенной силы. Они родились в одном пламени, он и Калейя, но, наверное, жара им досталось не поровну.

Вокруг их лагеря сгущалась тьма, а ветра, каждый из которых носил в Немии собственное имя, шумели и гудели в ветвях, словно затаившиеся в логове звери. Аларик заметил, что и Калейя подвинулась поближе к согревающему их костру. Ночевки под открытым небом по-прежнему оставались для них чем-то необычным и волнующим.

— Ты боишься? — спросил он. — Хоть чуть-чуть?

Сестра гордо посмотрела ему в глаза.

— А чего нам здесь с тобой бояться, тебе и мне?

Он пожал плечами:

— Мы путешествовали два года, и ты до сих пор не знаешь ответа?

Она улыбнулась.

— У меня есть план: я просто не хочу узнавать этот ответ. Никогда.

В этот момент кеппоханская огненная песня смолкла, сорвавшись в громкое шипение. Дети тут же застыли, а вместе с ними замерли и звери, и даже сами ветра, словно все они задержали дыхание.

— Что это было? — Аларику стало стыдно, что его голос прозвучал высоко, выдавая страх, но это продлилось недолго, потому что его взгляд обратился на Бовена, который все еще сидел, прислонившись к дереву. Рог упал на колени воина, а в следующее мгновение за ним соскользнула и рука. Из лба те-

лохранителя торчала стрела. Тонкая струйка крови стекала с переносицы на щеку Бовена, словно слезы. Красная кровь мерцала в свете костра.

— Аларик! — во весь голос выкрикнула Калейя. — Аларик! Но что ему было делать?

Разумеется, он схватился за меч, разумеется, он заслонил сестру собой, когда появились разбойники. Разумеется, он призывал огонь, просил его, умолял. Пламя разгорелось, но ему не хватило силы, чтобы сжечь врагов. Аларик был недостаточно силен. Разумеется, он без колебаний атаковал нападавших.

Это была короткая, жестокая схватка — Бовен мог бы им гордиться, — и в конце нападавший был тяжело ранен, а Аларик еще дышал — в итоге важно именно это. Но появились новые противники, и, пока Аларик размахивал тяжелым мечом, не зная, сколько еще продержится, они успели схватить Калейю. Один из нападавших еще раз обернулся и сбил Аларика с ног ударом кулака, словно теперь он был недостойн ничего, кроме оплеухи.

Теряя сознание, он думал лишь о своей сестре, и, словно само собой, в нем росло понимание: жизнь, которую он знал, теперь окончена. Аларику Кольясу из Кеппоха исполнилось двенадцать лет. И теперь его больше не существовало.

Аларик пришел в себя и со стоном потер лоб. Каждый раз, когда ему снился этот сон, он просыпался с гудящей головной болью, словно это случилось вчера, — какие-то люди оглушили его и похитили сестру. На самом деле прошло уже десять лет.

Ему было дурно, и он не мог понять, какова причина.

Пойло, которое ему щедро предлагали немийцы в своих кабаках, пока принимали его за гостя из Лиаскай, и которое ему пришлось пить вчера вечером, чтобы заснуть, явно имело к этому некоторое отношение.

Потом он вспомнил старого доброго Бовена. Эта картина так глубоко въелась в память Аларика, что неделями не выходила из головы после того, как ему снился этот сон. Куда бы он ни смотрел, перед глазами стояла тонкая струйка крови на почти что удивленном лице. Он уже сбился со счета, сколько трупов ему довелось увидеть с той ночи. У некоторых из них он сам отнял

жизнь — это были люди, которых он едва знал, или вообще незнакомцы, которые ему ничего не сделали. И хотя Аларик нес на себе вину, их лица стерлись из памяти, где-то затерявшись, — все, кроме Бовена.

Еще большую дурноту вызывал у него тот факт, что его сны были плохим предзнаменованием, как он когда-то и боялся. Они никогда не приходили без причины. Каждый раз, когда он видел этот сон — об огненной песне, о похищении Калейи и смерти Бовена, — это означало, что его разыскивает посланник. Посланник его хозяина, человека, которому Аларик заложил свою жизнь. Когда-то этот человек приказал своим вассалам похитить Калейю, и до сегодняшнего дня для Аларика оставалось загадкой, почему этот незнакомец, который всегда общался с ним исключительно через посланников, требовал выкуп не у ее родителей, а *у него*.

И все же, если подумать, в этом можно было увидеть некоторую логику. Тот, кто хотя бы отчасти имел представление об обычаях кеппоханских княжеских родов, знал об их слабых местах, но кеппоханцы уж точно не поддавались шантажу. Их невозможно было шантажировать никем и ничем, и тому неудачнику, который оказался достаточно слаб и глуп, чтобы дать себя похитить и не суметь освободиться, было попросту не место в Кеппохе.

А это еще раз подтверждало: Аларик не был достойным наследником своего отца. Хотя он смотрел на это иначе. Он должен был вернуть сестру.

Похититель предложил оплатить жизнь Калейи десятикратно, и Аларик — глупый мальчишка, которым он тогда был — согласился, позволил наложить на себя магические путы, едва ли надеясь, что сможет выполнить обязательство. Пока не будет разбита десятая долговая печать, Калейя принадлежала похитителю. Но еще раньше, чем первая долговая печать, разбились наивные надежды Аларика, что он сможет выполнить задания за несколько недель или месяцев.

Вплоть до сегодняшнего дня сердце Аларика неизменно разрывали мысли о том, что он не знает, где его сестра, что с ней происходит и каково ей сейчас.

Тем временем девять долговых печатей были уже сломаны. Он перестал торговаться и задавать вопросы, и ему довелось

убивать людей по поручению хозяина почти в каждой стране западного континента. За это время Аларик превратился из юноши в мужчину, и все телесные изменения, которые происходили с ним, в некотором роде пугали его. Он стал шире в плечах, его ноги и руки стали длинными и сильными, а черты его лица за прошедшие годы уже давно потеряли детскость. Он был симпатичен другим, и это было особенно хорошо заметно здесь, в Немии, где его темные волосы в сочетании с синими глазами были чем-то необычным. Он ненавидел это ощущение до глубины своей пропитанной отвращением души. Потому что он и Калейя были рождены в одном и том же пламени. И если он теперь выглядел привлекательным мужчиной, вряд ли можно было сомневаться в том, что его сестра, с ее огненными волосами и глазами цвета льда, стала по меньшей мере настолько же привлекательной женщиной. Аларик уже достаточно повзрослел, чтобы понимать, как мужчины поступают с прекрасными женщинами, которые принадлежат только им и никому больше.

Осталась одна, последняя долговая печать, и Калейя обретет свободу. Калейя или то, что осталось от нее после стольких лет.

Что они оба будут тогда делать? Вернутся назад? Вернутся... домой? Мысль об этом казалась близкой и одновременно далекой, такими старыми и бесцветными стали за это время воспоминания о Кеппохе. За все эти годы он ни разу не бывал на родине и, как и его сестра, уже давно считался мертвым и был забыт, так что вряд ли во дворце его встретят с распростертыми объятиями. Решат, что он не оправдал ожиданий. Ему не удалось даже простить тех, из-за кого он отправился в это опасное путешествие. Свою семью.

ГЛАВА 4

ЛЭЙРА

Я казалась себе курицей, которая пытается незаметно прокрасться мимо лисьей норы. Чувствуя себя беззащитной, я держалась как можно ближе к Волариану, горе, в которой был построен неприступный замок рода эс-Ретнея. Замок, в котором я когда-то жила и — если смогу спасти Десмонда — буду жить снова. Замку было уже несколько сотен лет, но он постоянно перестраивался и непрерывно рос, словно древнее дерево, с каждым годом становясь больше и больше. Темно-серые стены, которые было не охватить взглядом, возвышались над светло-серыми скалами, и небо над замком эс-Ретнея всегда казалось особенно ярко-синим, словно приветствовало его.

Нельзя было, чтобы меня заметили на дороге в сторону замка. Люди начнут задавать вопросы и задержат меня. По-прежнему считается, что я принадлежу князю, так что его извещают обо всех моих действиях. При этом любой другой путь к моей цели, за исключением прямой дороги через Разрушенный мост, занял бы слишком много времени. Мне нужно успеть добраться до Повелителя до новолуния. Опоздаю на одно утро — и Десмонд будет потерян навсегда, превратится в дэма и станет рабом своего господина. Так писали в книгах. Как и о том, что у человека, который просит за проклятого с любовью в сердце, больше шансов, чем у лучших воителей, которые пытались противостоять Повелителю дэмов, руководствуясь ложными мотивами: потому я и направлялась туда.

Несмотря на то что уже близился полдень, мне показалось, я уже сейчас вижу дэмов повсюду, такими, какими я зна-

ла их по книгам, изображениям и скульптурам из черного вулканического стекла: огромных, размахивающих шипастыми хвостами, с зубами, как у хищных зверей, и со змеиными глазами.

Испуганно оглядевшись по сторонам, я даже приняла за дэмов всадников — двух человек с навьюченной лошадей, которые приближались ко мне галопом. Они появились в самый неподходящий момент, потому что я покинула лесистые холмы и находилась на открытом пространстве, как раз на том участке пути, где я осталась без какой-либо защиты. Слева и справа простирались лишь грядки, засаженные свеклой и картофелем, а также поля, на которых росли капуста, овес и полба, достававшие мне в лучшем случае до колена. К тому же всадники уже давно меня заметили. Теперь оставалось только не привлекать внимания. Может, они не заметят, как вспотели от напряжения мои виски, может быть, они примут меня за безобидную деревенскую жительницу, которая идет в замок. Но *мюроред* будет сложно не заметить. А может, бросить его на поле, а потом забрать, когда они уберутся? Мои дрожащие пальцы уже коснулись пряжки перевязи, но тут что-то в силуэте всадника, который скакал слева, привлекло мое внимание.

Мне... был знаком этот силуэт.

Мой страх мгновенно сменился облегчением, которое тут же превратилось в растерянность. На черной, как сажа, лошади скакала моя подруга Вика — в этом не было никаких сомнений. Изящный силуэт, светлые волосы, как обычно, туго заплетенные, и к тому же ее заметная издали улыбка — словно она ехала на какой-то праздник. Я знала Вику достаточно хорошо, чтобы понять: это выражение облегчения, потому что она наконец-то меня нашла. Вика была единственной, кто знал: я отправляюсь к Повелителю дэмов. Хотя я не говорила ей, когда именно собираюсь уйти.

Рядом с ней скакал ее телохранитель, и клубы пыли скрывали его лицо.

— Что ты здесь делаешь? — крикнула я Вике, которая резко остановила лошадь. Копыта подняли облако пыли, и Вика прыгнула прямо в него, выпустила поводья и обняла меня так сильно, что сначала мне стало трудно дышать, а потом при-

шлось уткнуться лицом в ее шею, чтобы она не видела, как я плачу.

— Лэйра, ты что, и правда поверила, будто я отпущу тебя, чтобы ты там разбиралась с дэмами в одиночку?

— Вика... — Я ощутила ком в горле — то ли от облегчения, что она оказалась здесь, то ли от откровенной паники. Рядом с Викой мне никогда не было страшно. Ее смелость словно высвобождала что-то во мне — что-то, что было сильнее, чем угроза самого ужасного наказания.

И все же сейчас легкая воинственная улыбка на ее изящном лице вызывала у меня совершенно другие эмоции.

Второй всадник придержал лошадь. Я узнала его лицо, и это потрясло меня еще сильнее.

— Йеро? — Почему я вообще спросила? Я не видела его семь лет, с тех пор как я была двенадцатилетним ребенком и в моем мире все еще царил порядок. За это время все изменилось. Но лучащиеся голубые глаза Йеро остались прежними, хотя вокруг них и пролегли морщинки. Получается, ему было уже далеко за тридцать, и по жестким чертам можно предположить, что жизнь далеко не всегда проявляла к нему доброту.

Раньше он был одним из паладинов, лучших воинов Немии. В их академии он научился всему, что нужно, чтобы выжить в царстве дэмов. Их специально готовили, чтобы они могли вытащить кого-то из темниц Повелителя дэмов, и, хотя им редко представлялась возможность применить эти знания на практике, исполнение такого задания считалась высочайшей честью, к которой они стремились всю жизнь.

У Йеро с собой были походное снаряжение и *миордем*, и мне стало ясно, что это значит. Они все спланировали.

Он слез с седла, бросил Вике поводья третьей лошади, а свою просто оставил на месте — и подошел ко мне.

У меня было к нему столько вопросов. Почему он тогда перестал появляться при дворе? Почему ничего не объяснил? В конце концов, в течение нескольких лет он был не только телохранителем Вики, но, помимо этого, и ее другом, и, возможно, более близким человеком, чем ее собственные родители.

— Почему ты вернулся? — спросила я с дрожью в голосе — так меня потрясла встреча с ним.

— А я вернулся? — он хитро улыбнулся. — Или я просто тень, которая скользит над Немией, стремясь исполнить свое предназначение.

— Ты хочешь пойти со мной? — В поисках помощи я посмотрела на Вику. Не сомневаюсь, это была ее идея. Но могла ли я это принять? Да, я решила подвергнуть опасности собственную жизнь, но рисковать чей-то еще... Я никогда себе не прощу, если с Йеро что-то случится.

Вика сдержанно улыбнулась мне. Раньше я никогда такой ее не видела, и это меня насторожило. Обычно ее лицо было открытым и искренним.

— Лэйра, — помедлив, произнесла она. — Мы *оба* хотим пойти с тобой.

Может быть, я ослышалась?

— Нет, Вика. Ни в коем случае. Так не пойдет.

Подруга серьезно посмотрела на меня.

— Я не спрашиваю у тебя разрешения. Я уже решила.

— Ты с ума сошла? — вырвалось у меня. Кажется, я никогда не говорила так со своей лучшей подругой. Сердце бешено колотилось, в ушах шумела кровь. Мысль о том, что в итоге я потеряю еще и Вику, была невыносима. — Ты что, не понимаешь, как это опасно?

Вика просто выпустила поводья лошадей и еще раз крепко-крепко обняла меня. Ее хладнокровие дало трещину, и я заметила, что подруга дрожит.

— Именно потому, что это так опасно, — прошептала она, — я просто не позволю тебе отправиться туда одной. Всю ночь я проговорила об этом с Йеро, и я понимаю риски лучше, чем ты. И все же я хочу пойти с тобой. Да, Десмонд — твой возлюбленный. Но он также и мой лучший друг. Мы всегда были вместе, мы трое. К тому же я лучше обращаюсь с оружием, чем ты. А вместе с Йеро, который прошел обучение паладина, мы точно справимся.

Я перевела взгляд на Йеро. Он спокойно стоял на месте, ожидая нашего решения.

— Йеро снова работает на твою семью? — спросила я у Вики.

Она покачала головой.

— У него свои причины на то, чтобы пойти вместе с нами. Он здесь как друг, а не как телохранитель или наемник.

Йеро кивнул.

— Меня готовили к такому заданию, сколько я себя помню. К чему же еще мне стремиться, — он положил руку на грудь, — как не к возможности исполнить свое предназначение?

Я сглотнула, потому что знала, кто такие паладины. Мальчики и девочки, которые были сиротами, или дети, которых буквально отрывали от груди матери и увозили в Эшриан, где воспитывали в храмовой школе. Родные больше никогда не видели этих детей. В какой-то момент они возвращались в Немию в качестве паладинов, но к тому моменту они становились уже взрослыми и носили новые имена. Даже если родители узнавали своих детей, они всегда оставались чужими друг другу, потому что суть жизни паладина заключалась в том, чтобы следовать приказам командиров.

— Лэйра, я всегда был с тобой честен, — продолжал Йеро, — и в этом смысле ничего не изменилось. Я понимаю, ты считаешь, что любовь к Десмонду дает тебе шанс, и, возможно, ты правда сможешь его спасти. В конце концов, судя по тому, что мы знаем о Повелителе, он любит играть с чужими чувствами. Но также это означает, что рядом с тобой должен быть кто-то с холодной головой. Кто-то, кто понимает, как устроено его Царство, и кто владеет знаниями о разных дэмах.

— А они бывают разными? — В следующее мгновение я осознала, что предпочла бы вообще не слышать ответ.

Йеро пристально посмотрел на меня.

— Нам известно примерно два десятка видов. И мы понимаем, что знаем еще очень мало.

Я сглотнула. Даже в университетской библиотеке о Царстве дэмов была лишь самая общая информация, лишь несколько легенд и историй. Только немногие отправлялись туда, и еще меньше людей возвращалось. А те, кто возвращался, часто становились... другими. Их дух уже не бодрствовал, их речь становилась медленной и тягучей, и они посреди предложения забывали, что хотели сказать. Мама называла вернувшихся паладинов «живыми трупами». Их чествовали как героев. Но никто не знал, почему так происходит.

— Мы тебе нужны, — сказала Вика. — А ты нужна нам, потому что без тебя и твоей любви к Десмонду наши шансы заметно падают.

Я подняла брови, и Вика кивнула.

— Ты поняла совершенно правильно: если ты не пойдешь с нами, мы пойдем без тебя. Но пойдем.

Йеро смущенно потер затылок — там, где виднелся рубец толщиной в палец, побледневший, но по-прежнему хорошо заметный. От его вида мне на мгновение стало дурно. То, что Вика так быстро раскрыла все карты, явно не порадовало Йеро, но он не стал возражать.

Великие горы. Почему я не отправилась в путь раньше? Я не хотела оказаться виноватой в том, что могло с ними произойти. Но Вика никогда не давала пустых обещаний. И все же мой разум отчаянно искал возможность защитить подругу. И она это заметила.

— Лэйра, — Вика взяла меня за руку, — ты знаешь, насколько мне симпатичен Десмонд. Но дело не только в этом. Зимой мне исполнится двадцать лет. Родители не позволят мне больше тянуть время. Этим летом меня представят жениху, и я должна буду выйти замуж. — В ее голосе послышалась горечь. — Мой муж вряд ли похож на Десмонда, и у него будут определенные ожидания. Если мне не повезет, в следующем году я уже буду ждать ребенка и не смогу воплотить ни одну свою мечту.

— Но то, что нам предстоит, это совсем не то полное приключениями путешествие, о котором ты мечтаешь, — бросила я ей.

— Нет. Но это нечто значительное. Нечто важное. Мы спасем друга, который нам дорог. Лучшего друга, который у нас есть, мужчину, который в итоге спасет тебя. Мы совершаем героический поступок. Позволь нам пойти с тобой.

Я отчетливо представила, как она, еще будучи ребенком, стояла передо мной на стене, что возвышалась над окружавшим замком рвом, и обещала себе самой и всем нам, вскинув в воздух деревянный мюродем, стать настоящим героем, положить конец всем войнам по эту сторону гор — войнам, которых мы боялись, будто зверей, сидевших в засаде по темным углам.

— Кто я такая, чтобы что-то тебе разрешать или запрещать? Ты свободна как ветер, Вика, ты можешь делать то, что можешь, и то, что хочешь.

Но я бы предпочла, чтобы ты этого не хотела.

— Как ветер? Так в Немии учат детей, — пробормотала моя подруга. — Но на самом деле этого не имеют в виду. По крайней мере, девочек это не касается.

— Но именно это я и имею в виду.

— Это путешествие будет смертельно опасным, — произнес Йеро, взявшись за поводья своей лошади — необычно большой кобылы золотисто-коричневой масти. Ее голову, грудь и бока покрывала боевая кожаная броня. — Я могу гарантировать вам только одно: даже я столкнусь в Царстве дэмов с вызовами, к которым не готов. Никто не знает, вернемся ли мы, и я даже не уверен, найдем ли мы Царство и сможем ли пересечь его границы. А если это нам удастся, вы можете потом об этом пожалеть. Обучение, которое я прошел, боевой дух Вики и... *особый талант* Лэйры — возможно, это сочетание окажется ключом к успеху. Если вы этого хотите, я на вашей стороне. Сегодня — как и тогда.

Тогда... Он намекал на тот день, девять лет назад, когда я нанесла ему рану.

— *Атакуя меня, думайте о новой технике, которую выучили. Но действуйте по очереди и старайтесь оставить все мои конечности при мне.*

Мы с Десмондом улыбнулись друг другу, а Вика подняла свой мюродем и попробовала нанести первый удар. Йеро мог бы обезоружить и победить ее даже с завязанными глазами, но он никогда не позволял нам этого заметить, и это заставляло нас, особенно Вику, стараться изо всех сил. Ее родители гонялись бы за ней по всем горам, если бы только знали, что молодой паладин, за услуги которого в качестве телохранителя дочери они так дорого заплатили, обучает ее и нас, ее лучших друзей, обращаться с мюродемом. Твердая уверенность Вики в том, что жизнь будет безопаснее, если каждый — в особенности десятилетние девочки — сможет за себя постоять, вызвала искренний отклик у телохранителя. Десмонд, впрочем, предполагал, что Йеро просто скучал и был благодарен за возможность развлечься. В общем-то, Вике, девочке из богатой купеческой семьи, не нужен был телохранитель, тем более элитный боец. Моя мама говорила по этому поводу: «Они про-

сто хотят показать другим, что могут это себе позволить». Я до конца не понимала этого, но мне так нравилось, что Йеро тренируется с нами, что я предпочитала не задумываться. Он нравился мне, и, хотя в моем желании обучиться боевым приемам не было такой неудержимости и нетерпения, как у Вики, или такого честолюбия, как у Десмонда, тренировки все же нравились мне — как и все, чем мы занимались вместе с друзьями. Рядом с ними я ощущала гораздо меньше неловкости и отчужденности, чем с другими детьми, — те обычно считали меня смешной, потому что я погружалась в мечты, уносила куда-то мыслями или молчала, не зная, что нужно ответить.

— У меня есть идея, — прошептал мне Десмонд, пока Йеро целиком сосредоточился на Вике. — Я знаю, как нам до него добраться.

— Разве что мы свяжем его во сне, — с усмешкой ответила я. — Впрочем, я считаю, что Йеро не даст себя связать. Даже если он будет спать.

— Мой план довольно неплох. Ты в деле?

Я с любопытством посмотрела на Десмонда. Он вырос. Другие девочки, даже те, что были немного постарше, хихикали, когда мы пробежали мимо них, особенно если он улыбался им и бросал на них взгляд своих искрящихся зеленых глаз. Они искрились и сейчас — как обычно, когда ему приходила в голову какая-то идея. Часто его идеи приводили к неприятностям, но по большей части веселье стоило того. В конце концов, Йеро недавно в очередной раз объяснил нам, что на исход схватки влияют не только сила и техника, но также хороший план. Типично для Десмонда — попытаться реализовать это раньше, чем его попросят. Таким он был и в университете: пока Вика ворчала по поводу заданий, к которым еще не приступила, а я сидела, зарывшись в книги, потому что представляла все прочитанное в виде ярких сцен, он уже пытался угадать, что учителя потребуют от нас дальше, чтобы тут же справиться с этими заданиями. Он всегда думал на шаг вперед. Я была уверена, что из него когда-нибудь получится великолепный верховный министр, когда он унаследует этот пост от своего отца. Уж тогда-то ему придется оставить идеи, от которых одни неприятности.

— Что ты задумал? — спросила я, ощутив мурашки от нетерпения.

Наклонившись поближе, Десмонд что-то прошептал мне на ухо. Мое сердце забилось еще быстрее. Я была не такой храброй, как Вика или Дес, но, по крайней мере, работала над тем, чтобы преодолевать свои страхи.

— Сделаешь? — Десмонд уже улыбался. Он знал, что я не стану уваливать.

Разумеется, я кивнула.

— Лэйра, в чем дело? — окликнул меня Йеро.

Я совсем не заметила, что уже настала моя очередь.

— Не хочешь попробовать? Если вам не нравится тренироваться, я с радостью отвезу вас на занятия танцами.

Высунув язык, Вика изобразила ночную кошку, отпрыгивающую комочки шерсти. Она ненавидела занятия танцами и все, что с ними было связано. Вероятно, именно поэтому ее маме больше всего на свете нравилось распускать тугую прическу Вики, так, чтобы ее золотистые локоны рассыпались по спине, и наряжать Вику в миленькие платья, подол которых во время танца раскачивался у ее лодыжек.

Я быстро подбежала к Йеро, убедилась, что мои ноги стоят так, как он показывал, и подняла мюродем. На тренировках мы использовали настоящее оружие, а не деревянное, как во время игр, и, хотя клинки казались узкими и легкими в сравнении с настоящими мечами, мне было тяжело долго удерживать оружие поднятым. Йеро проверил мою стойку, взглядом напомнил мне, что нужно четче держать позу, и кивнул, показывая, что пора начинать. Я взмахнула клинком, атакуя с незащищенной стороны, и Йеро, пользуясь своим высоким ростом, замахнулся мечом и опустил его, отбивая мой удар. Сам этот защитный прием, который я никогда раньше не видела, впечатлил меня так сильно, что я невольно растерялась, не зная, что делать, — хотя клинок по-прежнему был у меня в руке, Йеро заблокировал его так, что я была все равно что безоружна. Теперь я стану для него легкой добычей.

Меня спас Десмонд, который в этот момент завизжал, словно ему было не одиннадцать лет, а пять. Свой мюродем он держал в руке. Вдоль клинка стекала темно-красная жид-

кость. Она капала на землю, где уже начала собираться лужица.

— Десмонд! — испуганно крикнул Йеро. — Что случилось? Ты порезался?

Йеро протолкнулся мимо меня, и я на долю мгновения прижалась к нему и схватила кинжал, который висел в ножнах у него на спине. Оружие задрожало, словно жило своей жизнью. Сначала я списала это на свое волнение, но потом во рту появился привкус соли и железа. Слишком поздно я поняла, что именно оказалось в моих руках.

Магия. Кинжал был полон магии! Она пронеслась по моему телу, словно ветер, и пробудила в моей памяти неразборчивый шепот.

Йеро был так занят рукой Десмонда, что не заметил наглую кражу. А Десмонд отбросил кожуру раздавленных мясных ягод, кроваво-красный сок которых и помог ему изобразить эту пугающую картину, и немедленно атаковал. Йеро растерялся лишь на мгновение, а потом рассмеялся и с помощью коротких, убедительных атак преподал Десмонду небольшой урок боевых приемов. Потом настал мой черед. План Десмонда заключался в том, чтобы я пробралась за спину Йеро, осторожно проткнула его рубашку кончиком его кинжала и объявила ему, что он повержен. Это был хороший план, и я не сомневалась, что все получится, — обычно у меня все получалось.

Но обычно мне не приходилось держать в руках такую магию. Магию, которая была на вкус как соль и железо и нашептывала мне что-то, что мой рассудок был неспособен понять, а вот мое сердце...

Я занесла кинжал над головой. Замахнулась им.

Я не знала, почему я это сделала. Этого хотел кинжал. Этого требовала магия. Она была заточена в нем, и, хотя я за много лет научилась игнорировать ее, не замечать, делая вид, что ее вовсе не существует, на этот раз мне это не удалось. Эта магия оказалась сильнее меня. Она могла сделать со мной все, чего ей хотелось. И, борясь с этим чувством, я одновременно ощущала какое-то странное счастье.

Что-то поднималась от клинка, будто столб дыма. Он окружил меня словно вуаль, а затем неожиданно вытянулся вперед.

— Нет! — выкрикнула я, заметив, куда магия хочет нанести удар. — Десмонд! Пригнись!

Йеро оказался быстрее Десмонда. Он схватил его за плечо и толкнул вперед, затем поднял свободную руку и опустил голову. Я не понимала, что он делает, — только видела, что это не атака. Йеро успокаивал, умиротворял. Укрощал. Он укрощал магию.

Магия была безумной и сильной, она рвалась на волю, не спрашивая разрешения, теперь появилась еще одна сила, которая соперничала с ней. Она росла внутри меня, и я — вместе с ней, как бы страшно мне ни было и какое бы сопротивление у меня это ни вызывало. Она металась из стороны в сторону, как хвост рассерженной кошки. А потом, в тот момент, когда страх достиг пика, произошло именно это. Широко раскрыв глаза, я могла лишь бессильно смотреть, как магия нанесла удар палadini и он так сильно содрогнулся от боли, что у него на мгновение подогнулись колени.

Не знаю, как это мне удалось, но я резко опустила руку, в которой держала кинжал, и отбросила его в сторону. Он звякнул о камни, которыми был вымощен внутренний двор, и наконец остановился. Я отшатнулась от него, словно он в любой момент мог на меня наброситься. Магия уже давно ничего не нашептывала мне — она кричала.

Подбежав к кинжалу, Йеро схватил его, и в тот же момент голоса исчезли, и магия смолкла. Кровь текла из раны на затылке Йеро, пропитывая его рубашку.

Я чувствовала себя одинокой, такой одинокой, какой не чувствовала себя никогда. Что я только что наделала? Как я буду просить у него прощения? Что скажут Десмонд и Вика? Они оба стояли рядом друг с другом, растерянно глядя на Йеро и потрясенно — на меня.

— Не... не понимаю, что произошло, — запинаясь, произнесла я, хотя на самом деле я все понимала абсолютно точно. Произошло то, о чем мама всегда меня предупреждала. То, из-за чего она всегда запрещала мне заниматься подобными глупостями. Из-за чего я никогда не должна была поддаваться гневу, всегда сохраняя холодный рассудок. Магия вышла на свет. Теперь все знали, что я способна ее почувствовать. И бо-

лее того — она почувствовала меня, она отреагировала на меня и буквально меня использовала.

На рынке, совсем недалеко отсюда, преступники, которые связались с магией, лежали под грудой камней, и извлекут их оттуда, когда в телах не останется ни малейшей искры магии — и ни малейшей искры жизни.

— Исключений нет, — говорила мне мама. — Не думай, что они проявят милосердие, потому что ты — дочь своего отца. К тебе требования еще выше, чем к другим. Тебе простят скандалы и любовные связи, но не магию. Никто не простит магию.

Йеро подошел ко мне, медленно, словно к полуприрученному зверьку. На самом деле, желание убежать было и правда почти неодолимым. Меня удерживал только стыд. По шее Йеро, от затылка до плеча, тянулся алый порез, опухший по краям, разверстый в середине и шириной в палец. Кровь все еще не переставала течь. В том, что Йеро пострадал, была виновата я одна, и я должна за это ответить. Но я не могла произнести ни слова.

— Лэйра, — тихо произнес Йеро, подошел еще на шаг ближе и взял меня за руку. — Ты в порядке, девочка? Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Я могла только неотрывно смотреть на его рану.

— Мне очень жаль.

— Это не твоя вина, Лэйра, это все кинжал. С тобой правда все в порядке?

Он врал. В кинжале и правда была магия. Но если бы его в руки взял кто угодно другой, она так бы и осталась в нем. Йеро просто хотел меня успокоить. Я дрожала всем телом.

— Вика, Десмонд, — окликнул их Йеро. — Подойдите сюда.

Он стоял совсем рядом с нами, и я ожидала, что друзья отвернутся от меня, убегут прочь или позовут своих родителей. Но они лишь выглядели растерянными и смущенно улыбались, рассчитывая этим меня успокоить.

— Только что вы увидели нечто исключительное, — произнес Йеро, словно речь шла о великой тайне, в которую он теперь собирался посвятить моих друзей. — Лэйра представляет собой нечто исключительное. Она может то, чего не могут другие люди. Как долго ты уже знаешь, Лэйра?

По моим щекам скатились первые слезы, и, когда это случилось, мне показалось, будто давление ослабло и мне стало легче дышать.

— Уже давно. В общем-то, так было всегда. Мне нельзя никому говорить. Никому. И уж точно не вам. Мама... — Мой голос сорвался, прежде чем я успела сообщить им, что мама сделала бы со мной, если бы узнала, что я натворила.

— И это совершенно правильно, — согласился Йеро. — Случившееся останется нашей тайной, согласна?

Я не могла отвести взгляд от его раны.

— Но...

— Я же говорю, Лэйра, не беспокойся об этом. Иногда во время тренировок случаются ранения. Я что-нибудь выдумала. Только мы четверо знаем, что на самом деле случилось. И это должно так и остаться. — Он серьезно посмотрел на каждого из нас. — И вы знаете, почему.

Десмонд так шумно сглотнул, что я это услышала. Вика шмыгнула носом. Она знала о тех грудях камней так же хорошо, как и я. О том чувстве ужаса, которое вцепляется в затылок и не отпускает, когда слышишь, как из-под камней доносятся крики, мольбы или стоны.

В Немии было много запретов. Но ни одно нарушение не наказывалось настолько неотвратимо, как использование магии.

— Вы справитесь? Сможете сохранить тайну?

Десмонд решительно кивнул.

— Конечно! Прости, Лэйра. Если бы не моя дурацкая идея, ничего бы не случилось.

Вика обняла меня и крепко сжала, хотя была заметно ниже меня ростом.

— Никто тебе ничего не сделает. Мы защитим тебя. И будем хранить твою тайну.

Йеро улыбнулся.

— Пока вы держитесь вместе и верны друг другу, с вами точно ничего не случится. Я вами очень горжусь. — Его взгляд снова скользнул в мою сторону. — Но тебе, Лэйра, нужно быть осторожней. Глупый проступок, который, вероятно, остался бы безнаказанным для Десмонда и Вики, тебе мог бы стоить жизни. Возможно, тебе лучше с этого момента постоянно но-

свить перчатки. И если ты почувствуешь в каком-то предмете магию, как в этом кинжале, просто отдерни пальцы и иди дальше. Держись подальше от магии. Только так ты помешаешь ей перехитрить тебя и получить над тобой контроль.

Я опустила взгляд, проглотив возражения, которые вертелись на языке. Держаться от магии подальше было невозможно.

Потому что она — повсюду.

* * *

Удивительно, что день, который тогда казался худшим в моей жизни, теперь вызывал у меня лишь улыбку. Прошедшие годы нас изменили — всех нас. Вика стала воинственной и не такой легкомысленной. Я начала относиться ко всему более серьезно и чаще задумываться. А Десмонд... Десмонда несколько лет назад словно окутала какая-то вуаль, приглушавшая его свет, впрочем, никто, кроме нас самих, этого не замечал, а он сам не мог ничего объяснить. И все же все эти изменения, хорошие и плохие, лишь крепче связали нас друг с другом.

— Похоже, от вас так просто не отвяжешься, — сказала я Вике и Йеро.

— Именно так, — согласилась моя подруга.

Я вздохнула.

— Тогда, по крайней мере, не будем терять время. Чем дольше я об этом думаю, тем хуже я себя чувствую.

Вика подала мне поводья третьего коня, симпатичного мерина каштановой масти.

— Понимаю. Ты уже успела обрадоваться перспективе в одиночку пройти весь этот путь и прогуляться по царству мертвых.

Что я могла на это возразить? Но имела ли я право радоваться, что не одна? Конечно, в глубине души я радовалась. Но мне было стыдно из-за того, что я подвергаю подругу опасности.

Верхом мы быстро продвигались вперед и уже к полудню покинули пространство между полями и пастбищами, на смену которым пришли леса на склонах горы Волариан. Растительность здесь была не такая густая, как в низине, где уютилась моя де-

ревня. Здешние леса состояли из развесистых кустов всех размеров, лохматых елей и сосен. Деревья росли слишком редко, чтобы тень защитила нас, и полуденное солнце гнало нас вперед. Несмотря на жару, мне нравилось, как пахло в лесу, и я глубоко вдыхала лесной воздух. В Царстве дэмов таких запахов явно нет.

Чтобы побереечь лошадей, мы ехали шагом, и благодаря этому у меня появилась удобная возможность поговорить с Йеро. Я столько лет с ним не виделась и по-прежнему не знала, почему он тогда просто исчез, перестав появляться при дворе. Я решила заговорить, прежде чем неуверенность сожрет меня изнутри.

— Можно задать тебе один прямой вопрос? — заговорила я, направив своего мерина так, чтобы он шел рядом с внушительной кобылой Йеро. Той это явно не слишком понравилось, и она продемонстрировала свое возмущение, шумно втянув воздух. Мой коричневый конек испуганно шагнул в сторону.

— Осторожней, — сказал Йеро. — Ласса явно не из самых дружелюбных.

Ухмыльнувшись, он добавил:

— Тебе хватит *одного* вопроса?

— Ласса? Ты назвал свою лошадь в честь южного ветра?

— А почему нет?

Я посмотрела на шею лошади, грациозно изогнутую, несмотря на свисавшие с нее поводья. Ее походка не слишком сочеталась с выражением ее морды — приоткрытыми губами и прижатými ушами. Я никак не могла понять, видится ли мне в ее благородной морде скорее недоверие или презрение. Она казалась мне опасной и готовой к битве. Совсем не похоже на южный ветер — *лассу*. Он был теплым и мерцал яркими красками, потому что приносил светящийся песок с Эсариэса, коварной южной горы. Но также он делал разум мутным, воспоминания — запутанными и каждое лето отнимал жизни у несчетного количества людей.

— Это был интересный вопрос, — вставил Йеро, — если ты собиралась ограничиться одним.

— Этот не считается.

— Ну вот. Теперь у меня есть к тебе вопрос: ты учишься ей пользоваться?

Этот вопрос был настолько абсурдным, почти высокомерным, что у меня кровь зашумела в ушах.

— Магией? Ты с ума сошел? Конечно, нет. Я ни на чем другом в своей жизни не была так сильно сосредоточена, как на стремлении скрыть, что я ее чувствую. Тебе это может показаться странным, потому что теперь я отправилась в Царство демонов, — но я дорожу своей жизнью.

Он рассмеялся.

— Больше не случалось неожиданностей при краже кинжалов?

— Ни разу.

Я попыталась рассмеяться вместе с ним, но получилось не слишком убедительно. После того случая я придерживалась совета Йеро и сначала осторожно касалась большинства вещей руками в перчатках, чтобы понять, содержат ли они магию и, если да, какую. Иногда я ощущала ее уже на расстоянии, и тогда была осторожна вдвойне. Мысль о том, чтобы намеренно впустить магию в себя, воспользоваться ей, казалась мне настолько дерзкой, что сердце начинало колотиться, стоило только себе это представить.

— Значит, ты не стала даже самую малость развивать свои способности дальше? — Эти слова прозвучали в его устах почти как критика, хотя речь шла о том, что каждый день угрожало моей жизни.

— Ведь это ты тогда убедил меня, что так и нужно поступить. Он вытащил веточку, запутавшуюся в гриве Лассы.

— Это было давно.

Вот он, подходящий момент, чтобы сказать главное.

— Это правда. А теперь ты задал мне два вопроса, значит, за мной остался еще один. Что случилось тогда, из-за чего ты неожиданно пропал?

— Вероятно, ты была единственным человеком при дворе, который об этом не знал, — напрямую ответил Йеро.

— Ходили слухи. — Это было преуменьшение. На самом деле это был целый скандал. — Конечно, я все понимала. Но я совершенно не...

— Это была правда, — перебил меня Йеро. — Все, что в них говорилось, — совершенная правда.

Я потеряла дар речи. Они были... Чушь! Ходили слухи о том, что Йеро изгнали из *пятерни*. Паладины жили, трудились и сражались всегда впятером, в едином отряде — *пятерне*. Их разделяли на такие группы еще детьми, и в таком созвездии они оставались всю жизнь. *Пятерня* заменяла паладину семью и друзей.

Слухи о Йеро вызвали такое возмущение именно потому, что за всю историю паладинов, насчитывавшую много столетий, такого не случалось ни разу, чтобы *пятерня* отвергала паладина. Паладин-одиночка — это просто невозможно. Что должно произойти, чтобы *пятерня* поступила с ним так невысказанно сурово?

— Почему?

Йеро шумно выдохнул. Его лицо изменилось. Выражение осталось тем же, но оно внезапно застыло, словно что-то — воспоминание, мысль или тревога — делало его жестче. Но он не произнес ни слова.

Дорога стала немного шире. Вика пустила своего коня легкой рысью, нагоняя меня.

— Возможно, тебе повезет больше, чем мне. Несколько недель назад, вскоре после того, как я навещала тебя в низине, он написал мне, и с тех пор я расспрашиваю его об этом. Но он ничего не рассказывает.

Йеро покачал головой, скорее смиренно, чем отрицательно.

— Я сказал достаточно. Тогда я сам принял решение. Как и моя *пятерня*. И никому из нас не пристало критиковать решения других.

Вика пожала плечами, я кивнула. Много лет назад Йеро уже доказал, что он на моей стороне, и я не только доверяла ему, но и была перед ним в долгу. Меня немного задевало, что он не хочет выдавать свою тайну, но, с другой стороны, я его понимала. Мы не виделись семь лет. Тогда я была еще ребенком. Избалованной богатой девочкой, которую сегодня и сама бы не узнала. Как я могла требовать от него, чтобы он сразу же поверил мне свои темнейшие тайны?

— Сейчас не важно, почему мне тогда пришлось уйти. В конце концов, я так и не вернулся ко двору, — словно между прочим сказал Йеро, приложив ладонь ко лбу и рассматривая

уходивший вверх склон, который простирался перед нами. — И я не стану этого делать, если мы выживем. Там мне больше не рады.

— Так же, как и мне, — пробормотала я.

— Я пришел, потому что я все еще паладин. Потому что я не позабыл свою судьбу и свое предназначение, что бы ни случилось за это время.

Я заставила себя улыбнуться, хотя это далось мне нелегко.

— Так же, как и я.

— Вот так все и складывается, — ответила Вика, и в ее звонком голосе послышалась суровость. — А я бегу от судьбы и предназначения — как раз подходит. Посмотрим, куда это нас приведет.

ГЛАВА 5

АЛАРИК

— Если будет не хватать, можно без проблем добавить. — В стеклянных глазах посланника читалась насмешка. Он обвивал торс Аларика тонкой цепочкой, то и дело подправляя ее, словно следуя каким-то странным представлениям о красоте. Аларик потел, и к его коже прилипала пыль. Виной тому стали не только лучи солнца, которые словно прожаривали его, хотя было только начало лета. Аларик не отворачивался, лишь задерживал дыхание, потому что у старика невыносимо воняло изо рта. Посланник явно понимал, что те места, в которых свежие раны пересекались со старыми шрамами, болели сильнее всего. Тщательно, словно художник, он располагал оковы, превращая их в странный узор. Был ли в этом какой-то смысл или он просто удовлетворял свою тягу к садизму?

— Если бы тебе это не нравилось, на твоей коже не было бы такого количества бесполезных рисунков.

Аларик молчал, хотя это было непросто. Каждое слово, которое Аларик произнес бы в присутствии посланника, рассказало бы хозяину, на которого работали они оба, больше, чем он хотел тому выдавать. Этот неизвестный ему человек не должен узнать, для чего он сделал татуировки, повторявшие форму тонких серебристых линий, которые возникали на его коже в ходе ритуала. К этому моменту узоры покрывали всю его грудь, спину, плечи и руки выше локтей. Некоторые линии доходили до затылка. И никто, кроме него самого, не смог бы с первого взгляда распознать, какие линии были подлинными, а какие — просто татуировкой.

— В конце концов, этим можно гордиться, — продолжал болтать посланник. Со временем он постарел, его кожа загрубела, а голова почти облысела. Удивительно, что он еще был способен взгромоздить свое высохшее тело на лошадь и одолеть утомительную горную тропу. Уже давно его сопровождали четверо, а не двое стражей. Вероятно, потому, что с двоими Аларик теперь справился бы без проблем. Но всерьез он никогда не пытался это сделать. Они заключили договор, он и его хозяин, и Аларик все еще оставался в достаточной степени кеппоханцем, чтобы считать действительной любую сделку, даже связанную с убийством, похищением и шантажом жизнью ребенка. Он заключил договор, и он его исполнит.

Оставалась последняя долговая печать.

— Этого с лихвой хватит, чтобы держать тебя в узде.

Посланник довольно осмотрел результат своих рук, а затем вытащил свиток из лежавшей на земле наплечной сумки. Как обычно, свиток был запечатан, но золотой воск почернел, когда его коснулись солнечные лучи. Аларик взял письмо в руки, быстро и решительно сломал восковую печать. Тут же перед его мысленным взором возникли картины, которыми его хозяин сопровождал каждое письмо, чтобы должник не забывал, что стоит на кону. Аларик не знал, что это — сон, видение или похищенное у него воспоминание. Но на мгновение и поляна, на которой они находились, и взрослый, сегодняшний Аларик оказались где-то далеко.

Ему снова было двенадцать, и он лежал, уткнувшись лицом в землю. Кровь текла из носа, смешиваясь с пылью и грязью. Посланник стоял над ним, поставив ногу ему на спину между лопаток, и держал меч у самой его шеи. Словно желая доказать, насколько остер клинок, его кончиком он подрезал волосы на затылке Аларика. Двое стражей подтащили Калейю ближе. Один из них схватил ее за волосы и толкнул ближе к Аларику, так что она оказалась прямо перед ним, в своей изорванной одежде. Она пристально смотрела ему в глаза, и в ее ледяном взгляде не было ни капли волнения, ни единого следа слез — лишь синяки, ссадины и смешанная с грязью засохшая кровь на ее щеках. Это была Калейя, и в то же время не она. Казалось, словно она где-то далеко, а здесь осталось только ее тело.

Сколько времени могло пройти? Он не знал.

— Это добыча моего господина, — гнусаво произнес посланник. — Ты так на нее тарацишься, будто хочешь, чтобы она тебе досталась, приятель.

— Пожалуйста, отпустите ее. — Аларику понадобилось все его самообладание, чтобы не заплакать. — Возьмите меня вместо нее, но отпустите мою сестру.

— Хммм. К сожалению, ты просто жалкий мальчишка. Ты стоишь в лучшем случае в десять раз меньше, чем эта красавица. Мой господин обожает таких красавиц.

Аларика едва не стошнило, кислый желудочный сок обжег горло. Посланник еще сильнее надавил сапогом ему на спину. Что же ему теперь делать?

— У меня нет ничего, кроме моей жизни. Я бы отдал все, что имею, но... — Сможет ли он получить от родителей золото или шиллинги? Он готов был обокрасть их, чтобы освободить Каллейю. — У моей семьи есть золото и драгоценности. Если вы дадите мне время, я смогу добыть все, что вы потребуете. Все!

— Ты понятия не имеешь, чего требуют мужчины, — выкрикнул один из стражей и расхохотался.

Он ошибался. Если бы Аларик действительно не знал, он бы не паниковал настолько сильно.

— Ты что, не слушал? — Посланник приставил меч к шее Аларика. Он почувствовал, как острие рассекает его кожу, миллиметр за миллиметром, вот только боли он не ощущал. Боль не имела значения. — Ты стоишь в десять раз меньше этой девчонки.

— И, если бы я мог, я заплатил бы своей жизнью десятикратно.

В этот момент посланник отпустил его, но, прежде чем Аларик успел подняться на ноги, один из стражей утащил Каллейю прочь, а второй помешал Аларику броситься следом.

— Если ты согласен заключить договор, согласно которому ты должен будешь десятикратно отплатить мне своей жизнью, прежде чем получишь ее назад, можешь считать, что мы договорились.

— С ней не должно ничего случиться. Ей не должны причинять боль.

Посланник рассмеялся.

— Не думай, мальчишка, что ты устанавливаешь условия нашей сделки. Если ты согласен, будешь играть по нашим правилам. Ты получишь ее назад живой. Если этого тебе недостаточно — убирайся и поищи себе новую подружку.

Покалывание во всем теле, одновременно горячее и холодное, вернуло Аларика в реальность. Тонкий шрам на затылке, прямо под линией волос, словно проступил сильнее. Аларик ненавидел письма от хозяина, ненавидел эти иллюзии, ненавидел омерзительное злорадство на лице посланника.

— Ну что, продолжим, юноша?

Еще одна долговая печать. Одна-единственная. Если после этого он увидит старика снова, то свернет ему тонкую шею голыми руками. Он покрутил в голове мысль о том, что можно было бы использовать *рассекатель времени* и разделаться с посланником уже сегодня, — потом старик все равно умрет, до того как они встретятся снова. Но было бы глупо провоцировать хозяина сейчас. Сначала он должен сконцентрироваться на задании. На освобождении Калейи. А потом...

Аларик развернул свиток и бегло просмотрел написанное.

По поручению верховного министра Немии некий человек по имени Кадиз Хелльна отправился в царство теней, чтобы освободить сына политика из плена темного повелителя. Вне зависимости от того, потерпит он поражение или одержит победу, Хелльна не должен покинуть Царство дэмов. Добейся этого, и тогда ты сможешь сломать последнюю долговую печать.

— Этот Кадиз Хелльна навсегда останется в царстве Повелителя дэмов, и тогда вы освободите Калейю? — переспросил Аларик. — Не важно, выживет Хелльна или погибнет?

Посланник поднял обе руки.

— Можешь даже превратить его в рыбу, главное, чтобы он там остался. Тогда мы вернем ее тебе. Ты же знаешь, мы везде сможем тебя найти.

— Живой и здоровой!

— А также чисто вымытой и избавленной от вшей, если тебя это порадует, конечно-конечно.

— Тогда я принимаю печать.

Аларик скатал свиток и сжал его обеими руками.

— Так ты готов? — выжидательно спросил посланник.

Стиснув зубы, Аларик прорычал:

— Да.

— Ну так наслаждайся. Если у тебя все получится, это в последний раз.

— Заткнись и давай уже!

— Если же ты опять не справишься... хм.

Он не должен поддаваться на подобные провокации. Он ни разу не провалил задание — ни разу.

— Твоя сестра — такая красавица. Все еще. Знаешь, женская красота мимолетна. И кто знает, когда для тебя найдется следующее задание. Может, к тому моменту ее красоте уже придет конец. Или... ты получишь двоих по цене одного.

Сердце Аларика словно взорвалось, красный туман заслонил ему взор. Он сам еще не успел понять, что произошло, а его пальцы сжали горло старика. Посланник хрипел и дрыгал ногами, но Аларик без труда удерживал его прижатым к земле.

— Я привык к твоим мерзостям, старик. Но не переходи границу!

Рядом с ними появились двое стражников. Аларик тут же разжал кулаки, перекатился в сторону и встал, стараясь держаться подальше от посланника. Словно успокаивая их, он поднял руки.

— Расслабьтесь, парни.

Кашляя, посланник снова поднялся на ноги; его сбивчивое дыхание превратилось в хриплый смешок.

— Ну-ну-ну. Я уже давно не видел тебя таким сердитым. Да ты даже более живой, чем я думал.

Аларик фыркнул. Живой? Ему самому так вовсе не казалось.

Он снова сжал свиток в ладонях.

— Давай уже, старик, начнем. Моя цель уже в пути, и я должен уничтожить этого человека, прежде чем он пересечет границу.

Посланник не упустил возможности сначала не спеша поправить сдвинувшиеся цепочки, как будто имело какое-то значение, где именно магические оковы вопьются в тело Аларика. Он снова испытал самообладание Аларика, повторяя каждое движение дважды и трижды.

Наконец все было готово. Посланник положил свои ладони поверх ладоней Аларика, впился своими желтыми ногтями в их тыльную поверхность и закрыл глаза. Бормотание, которое он издавал, было неразборчивым, походившим на какое-то гудение, мучительно долго ничего больше не происходило. Но потом темное заклятие обрушилась на него с силой, к которой он каждый раз оказывался не готов.

Свиток в руках Аларика мгновенно стал горячим, словно раскаленное железо. Он невольно попытался разжать пальцы — как и каждый чертов раз. Но от боли мышцы и сухожилия свела судорога, так что пальцы лишь сжались еще сильнее. Мучения заполнили его разум, боль была повсюду — в глазах, в ушах, во всех его мыслях. В то же мгновение цепи преобразились, вплавляясь в его кожу, впилась в его тело, еще глубже, быть может, в самую душу. Если она еще у него была.

Посланник выпустил Аларика, выкрикнул в его сторону еще одно безобидное проклятье и исчез. Аларик рухнул на колени.

Долгое время он был не способен пошевелиться. Только через пару часов к нему снова вернулся контроль над телом. В такие моменты он мог стать легкой добычей для дикого зверья или бандитов. И все же ему еще раз повезло. Если это можно так назвать.

Первое, что он сделал, — протянул руку к своей рубашке и снова надел ее, несмотря на то, что от ее прикосновения свежие раны вспыхивали болью — они были ярко-красными, выделяясь на фоне старых, серебристо-белых, и его татуировок. Затем он взял долговую печать — черную деревянную палочку, оставшуюся от свитка, — чуть длиннее его ладони и твердую, как камень. Несколько секунд он разглядывал ее, а затем засунул в потайной карман, который он специально для этого изнутри пришил к рубашке, и застегнул пуговицы на груди.

— Кадиз Хелльна, — прошептал он. — Кем бы ты ни был. Тебе ужасно не повезло, неудачник.

ГЛАВА 6

ЛЭЙРА

— Откуда ты вообще знаешь дорогу в Царство дэмов? — однажды спросил Йеро. Запрокинув голову, я посмотрела на склон Волариана, тянувшийся до самого замка эс-Ретнея. Словно ожидающее чего-то божество, замок возвышался на плато, высоко вверху на западной горе, самой высокой в горной цепи, и отбрасывал на нас свою тень. Князю нравилось по утрам выходить на балкон и в свете восходящего над восточными горами солнца осматривать все свои владения. Наверное, он вообще ничего не знал о тайной тропе, пролежавшей совсем недалеко от его двора. Иначе он никогда бы не допустил, чтобы ребенком я бродила среди скал Волариана.

— Мне пошло на пользу, что я так много читала, слушала всяческие народные песни и старые сказания, — не задумываясь, ответила я. — В некоторых из них говорится так: «Царство Повелителя находится в конце неопisanного пути». И мы как раз на него свернули. На дорогу, которая существует, но не отмечена ни на одной карте. И в конце ее находится то, что также описывается в легендах, но не на картах: разрушенный мост.

— Как ты нашла мост?

Недовольное выражение кобылы Йеро постоянно беспокоило моего мерина; он то и дело косился назад. Я тоже оглянулась и обменялась взглядами с Викой. Она кивнула. Если она доверяла Йеро, то могла доверять и я.

— Меня привела туда магия.

Я буквально ощутила затылком взгляд Йеро.

— Ты же только что утверждала, что ей не пользуешься.

— А я ей и не пользуюсь. Я делаю кое-что другое. — Нечто менее дерзкое, но столь же запретное. — Я продаю ее. В конце неописанной дороги есть маленький рынок, на котором встречаются люди, желающие продать или купить вещи, которыми не дозволено торговать в Немии.

Оглянувшись еще раз, я заметила, что Вика укоризненно посмотрела на Йеро.

— Ну что? — спросила она его. — Не смотри на меня с таким упреком. Я хотела, чтобы Лэйра сама тебе рассказала.

— Ты тоже ходишь туда? — спросил он ее.

Я быстро ответила вместо Вики:

— Нет! То, что я ей об этом рассказала, — уже чересчур. Я не брала ее с собой и не описывала ей дорогу.

— К сожалению, — напевно произнесла Вика, — сегодня у нас не будет времени, чтобы заглянуть на рынок.

— Неподалеку есть постоянный двор, — я быстро сменила тему. — Нам придется оставить там лошадей. Мы не сможем взять их с собой — увидите, почему.

Йеро дернул уголком рта.

— Что это за торговля, которую ты ведешь?

Я вздохнула. Даже сейчас мне было сложно об этом говорить. Возможно, из-за того, что мама почти каждый день вбивала в мою голову, как важно, чтобы я молчала о подобных вещах. Как будто я была монетой, на которой отчетливо отчеканена ее цена, и этого уже не изменить.

— Точнее говоря, я продаю магические артефакты. Я ощущаю магию в вещах.

Откуда-то неподалеку со стороны горы донесся раскат грома.

— В ней есть что-то, что другие воспринимать не могут, — а я могу. Обычно *это что-то* вроде покаявания. Магия притягивается к моей коже и одновременно отталкивается от нее. Часто я слышу пение в воздухе, мелодии без слов, состоящие из звуков, для которых нет нот, — совершенно дисгармоничные и одновременно прекрасные. Иногда я вижу цвета, а еще реже — движение там, где другие видят лишь неподвижность, или я чувствую на вкус или чую что-то, чего на самом деле не существует.

Вика задумчиво рассмеялась, словно в этом было что-то безумно романтическое. Йеро слушал с непроницаемым выражением лица.

— Я собираю артефакты, в которых есть магия, — рассказывала я дальше, — а потом закрываю лицо платком, как женщины из пустынь Южного Амисаса, иду на черный рынок у Разрушенного моста и продаю их там. Мы с мамой живем на эти деньги, я покупаю на них лекарства для нее. Денег за кое-какие травы и мази, козье молоко и сыр, которые я продаю в деревне, едва ли хватило бы на то, чтобы рассчитаться с долгами за бревна, из которых построен наш дом.

Вика шумно выдохнула.

— Было бы проще, если бы ты позволила тебе помочь. Может, многого мне и не хватает, но вот шиллингов у меня предостаточно.

Я подвела свою лошадь чуть ближе и взяла Виду за руку.

— Возможно. Но ты слишком дорога мне как подруга, чтобы я позволила тебе стать человеком, который обеспечивает меня деньгами.

Вскоре после этого дорога стала слишком узкой, чтобы ехать рядом, потому что вплотную к ней тихо журчал протекавший в глубоком ущелье горный ручей. В молчании мы ехали вдоль него по извилистой дороге.

— Будьте начеку, — окликнула я остальных. — Обстановка здесь может казаться обманчиво мирной. Здесь редко можно кого-то встретить, но если это все же случается, то приносит одни проблемы.

В прошлом году я наткнулась здесь по дороге на молодого жеребца саблерога. Сначала я приняла его за обычную лошадь, потому что саблероги обычно держатся на расстоянии от людей. Они нарушают это правило, только если ужасно напуганы, — а напуганный хищный зверь способен на все. Мне пришлось высоко забраться на осыпавшуюся скалу, чтобы спастись от его острых, как лезвие ножа, зубов, растущего на носу рога и прочных, как камень, копыт.

Пока что только тут и там из трещин в камнях пробивались отдельные живучие растения, и кроме десятка змей, которые нас словно не замечали, и блестящих черных горных скорпионов, которые самоуверенно вытягивали свои жала, когда мы оказывались слишком близко, ничего живого не обнаружилось.

Где-то над нами снова раздался звук, похожий на смех вдалеке, а следом за ним послышался стук. Я подняла голову, непроизвольно уклоняясь, и перед нами упало несколько камней, которые затем скатились в ручей.

— Спокойнее, старик, — прошептала я, сняла перчатку и положила ладонь на скалу. — Мы ничего тебе не сделаем, Волариан, нам нужно просто пройти здесь.

Горы Немии были могущественными, неспешными существами, которые за тысячу лет успевали сделать лишь один вдох. Обычно им не было никакого дела до того, что мы строили наши дома и города на поверхности их кожи, если мы оставались с ними вежливы и благодарили их за защиту. Но время от времени мы, видимо, царапали или щекотали их, и тогда они отвечали на это тряской или дрожью. А иногда они просили о помощи Лиаскай, и та посылала дурную погоду: штормовые ветра, из-за которых в низинах возникали разрушительные торнадо, или грозы с дождями, после которых люди уже не были прежними.

Волариан, великая западная гора, время от времени развлекался тем, чтобы досаждать проходящим по нему путникам. Вся знать двора эс-Ретнея уже не раз на несколько дней или недель оставалась заперта в замке, потому что гора делала пути непроходимыми и падающими камнями напоминала о своем превосходстве всем, кто игнорировал это предупреждение.

А вот что Волариану точно было не по нраву, это слишком много людей на его тонких узких тропках, в стороне от общеизвестных дорог.

Но на этот раз я не почувствовала в камне ни намек на тьму, ни багрово-красного предупреждения, ни светящегося желто-зеленым скепсиса. Гора всего лишь беспокоилась, можно было даже сказать... тревожилась.

Продолжая скакать дальше, я еще некоторое время успокаивающе скользила рукой по скале.

— Все в порядке, старый друг. С нами ничего не случится, мы можем о себе позаботиться.

Возможно, он и правда переживал обо мне. Возможно, то, что всегда предрекала мне мать, оказалось правдой: Волариан был моим защитником. Он никогда не давал мне этого понятия, и, хотя моей матери его защита не принесла ничего хо-

рошего и навлекла на нее много несчастий, я всегда надеялась, что однажды он откроется и мне. Он казался более подходящим для меня, чем все остальные; хотя Вика была убеждена, что мне подойдет только ее гора-защитница: Иста, гора света, расположенная на севере. Но я была уверена: моя гора — Волариан; просто он отмалчивается. А может, из-за своей магии я оказалась единственной немийкой без горы-защитницы? Может, даже горы презируют меня за то, кто я? Или они знают меня лучше, чем я сама, и просто не считают меня достойной? В это я не хотела верить, потому что никогда не ощущала, чтобы от камня исходило отвержение. Напротив: я чувствовала себя в безопасности в его холодных ущельях и мне было спокойно на его склонах. Но почему никто не хотел защитить меня и принять в свой круг?

Вика спешила и пошла рядом с моим конем, ведя своего за собой на длинной узде.

— Магия и правда такая, как ее описывают в книгах?

Ее вопрос ошарашил меня. Она никогда не задавала много вопросов, но когда у нас была возможность поговорить, не опасаясь, что кто-то подслушает?

Я тоже выбралась из седла, чтобы идти рядом с ней.

— Ты себе не представляешь, как много чуши в этих книгах. Даже в тех, которыми пользуются в университете. По-настоящему полезны только неизвестные труды, которые можно найти лишь случайно, потому что их помещают не в тот раздел или прячут в какой-нибудь пыльный сундук.

Я очень сильно скучала по учебе в университете. Десмонд однажды сказал, что моя жизнь по-настоящему началась только с моего десятого дня рождения — когда мне, наконец, разрешили ходить в университет. Если следовать его теории, получалось, что я умерла, когда мне было четырнадцать и нас отправили в изгнание в деревню в низине. Потому что отныне у меня почти не оставалось доступа к книгам, образованию и культуре.

— И как она работает на самом деле? — осведомилась Вика. — Ведь если ты имеешь дело с магическими объектами, вряд ли вся магия принадлежит кланам, как нас учат. Или... — она запнулась, — ты воруюшь магию?

Я покачала головой:

— Немия тоже не такая, как описывают в книгах. То, что мы учили в университете — что вся магия была покорена и передана в руки кланам, — может быть, и правда для всего остального континента. Но в Немии иначе, здесь магия дика и свободна, она таится повсюду. Может быть, это из-за того, что наша страна такая крошечная и зажата между горами. Может, магия у нас настолько слаба, что никого еще не заинтересовала. Предметы, которые я нахожу, не способны творить чудеса. Иначе бы я воспользовалась этим прямо сейчас. — Я бы не заметила, каким мрачным стал мой голос с последней фразой, если бы Вика не вытянула руку, чтобы ободряюще потрепать меня по плечу.

— По-моему, все это и без чудес очень впечатляюще. Дикая магия! Кто знает, как часто я уже спотыкалась обо что-то магическое. Возможно, я пью свой чай из магического чайника. Может, у тебя есть что-то магическое с собой?

— Да, есть. — Я вытащила камушек, который носила на кожаном ремешке под одеждой. — Я не могу сказать, какого рода магия прячется в нем, только знаю, что он магический. — Даже сквозь перчатку я ощущала: камень будто дышит. Он испускал золотисто-алую энергию, от которой покалывало кожу, и тут же поглощал ее обратно. Как будто он расходовал и поглощал магию, питаюсь ей. — Знаешь, откуда он у меня? Ты тоже была там. Помнишь, как мы нашли сокровище?

— Сокровище в тюремной камере глубоко под замком? Как я могу забыть!

Я тоже часто об этом вспоминала. Это было так увлекательно — пробираться среди древних камер, в которых по большей части не было ничего, кроме выцветших костей и крысиного помета. Тогда мы нашли сундук со старинными монетами, потускневшими украшениями, гобеленами и коврами, настолько прогнившими, что рисунка было не различить. Каждому из нас разрешалось в качестве награды взять себе что-то одно, и я до сих пор помнила, что Вика взяла заржавевший кинжал, а Десмонд — табакерку, в которой он потом весь год прятал карамель. И так же хорошо я помнила, как быстро забилося мое сердце, хотя я должна была обходить магию стороной. В те времена я послушно следовала этому правилу, но этот камень, круглый, как бусина... нет! На этот раз — нет. Я не смогу отдать его князю. Это невозможно.

Вика протянула палец к бусине, но помедлила. Я кивнула.

— Можешь потрогать, не бойся.

Она скользнула по нему кончиком пальца, и на ее узком лице отразилось безмолвное разочарование.

— Я ничего не чувствую.

— Тут нечему удивляться. Если бы я смогла и дальше изучать магию, если бы у меня остались мои книги, результаты, полученные учеными из кланов... тогда я, быть может, когда-нибудь поняла, почему ее чувствую я и никто больше. Или узнала бы, какой от этого камня может быть толк.

Вика в задумчивости стиснула губы. Наконец, она сказала:

— Я всегда понимала, что тебя расстроило, когда тебе запретили ходить в университет. Но до нынешнего момента я не понимала почему.

— Это худшее в нашем изгнании. Все остальное я смогла преодолеть.

— Знаешь что? — спросила Вика. — Мы с Десмондом всегда жаловались, когда преподавательница задавала нам исследовать историю какого-нибудь ритуала. А ты едва не лопалась от радости, что тебе разрешили выяснить что-то новое, как бы долго тебе ни приходилось это искать.

Я поняла, что улыбаюсь.

— Зато я была не в восторге, когда нам приходилось учить что-то наизусть.

Вика шутя толкнула меня в бок.

— А ты думаешь, нас это сильно радовало?

Теперь мы уже сошли с проторенной горной дороги. Наша тропа вела круто вверх, скрытая среди сучковатых зарослей и колючего вереска. Мы перелезали через валуны, где лошадям приходилось быть осторожными, чтобы не поскользнуться и не упасть, и все уже запыхались. Хотя я уже не раз проходила по этому пути, каждый раз я снова переживала, что не найду дорогу. И сегодня тоже.

Но тут мы обогнули еще один валун, высотой в человеческий рост, и увидели его: тайный путь, которого не было на картах. О котором знали лишь те, кому было что скрывать.

ГЛАВА 7

АЛАРИК

Свет лежал на вершинах гор тончайшей золотой пленкой. На восточные горные цепи уже упали вечерние тени, а южная гора, с ее многочисленными пещерами и шахтами, где добывали железо и уголь, как обычно, укуталась сумраком, который она так любила и который как будто был ей нужен. Уже светилась в предвкушении вечера увенчанная снегом даже летом северная гора; в ее склонах были вырублены самые роскошные города, улицы которой опутывали скалы светящейся сетью, изгибаясь так, что кое-где окна домов оказывались совсем рядом. Вечером она походила на ночное небо, полное звезд. В долине напротив все казалось черным, словно она стыдилась и не хотела, чтобы ее видели.

Аларик стоял на стене высотой в человеческий рост. Никто не рискнул бы пробираться с плато через эти стены — разве что кто-то, намеревавшийся умереть. Аларик тоже испытывал стыд, взглядывая вниз, в долину. Встряхнувшись, он прогнал воспоминания прочь. Они ничего не изменят.

Теперь ему оставалось только думать о том, как все началось, — а началось все, иначе и не скажешь, погано. Он быстро нашел группу Кадиза Хелльны, но им было абсолютно начхать на его попытки присоединиться к ним. Они не только не выслушали его, но погнались за ним, угрожая оружием, и ему пришлось вернуться. Пытаться атаковать Хелльну, окруженного паладинами, было совершенно бесперспективно. Но как ему теперь последовать за ними, если преодолеть границы Царства дэмов можно только вместе с Искателем? Когда Аларик уже начал опасаться, что потерпит неудачу, он подслушал на черном рынке какого-то

паренька, который рассказывал о еще одной группе, отправившейся в Царство теней. Это — его шанс, и он готов был отдать все, чтобы они взяли его с собой. К сожалению, эти люди задерживались.

Ему не нравилось, что ему приходится изображать терпение, которое для немийцев было само собой разумеющимся. Его собственный народ имел немало достоинств, но терпение было им чуждо, и Аларик за последние годы выяснил, что кеппоханец может освоить и выработать немало черт — но не терпение. Оно давалось ему так же сложно, как и умение находиться в одиночестве. Десять лет одиночества, но он был все так же далек от того, чтобы наконец к нему привыкнуть. А немийцам это, кажется, давалось легко. Они жили в мире могущественных гор и переменчивых ветров. Но было кое-что, что жители Немии строго контролировали: самих себя и свои чувства.

Услышав мерный стук копыт, кажется, доносившийся со стороны каменистой горной тропы, он тут же сосредоточился. Наверняка это та группа, которую он ждет. Так что Аларик посмотрел в сторону новоприбывших, вынул из кармана свой рассекатель времени и позволил прикрепленной к нему цепочке соскользнуть на пальцы.

Трое путников взобрались по ступеням к плато, ведя лошадей за поводья. Почему только трое? С ними нет *пятерни*? Вперед вышел мужчина — судя по осанке, солдат. Сразу за ним шли два человека поменьше — силуэты, скрытые плащами, а лица — капюшонами. Женщины; одна из них, помедлив, осмотрелась. Второй явно было знакомо и это место, и путь, потому что она сразу же двинулась в нужном направлении.

Аларик спрыгнул со стены, слегка отряхнулся и зашагал наперерез этой троице.

— Я знаю, зачем вы здесь, — без обиняков сказал он, и рука воина тут же скользнула к рукояти мюродема. — Но не бойтесь, я не попытаюсь ни задержать, ни обокрасть вас.

— Нет? — спросил мужчина, посмотрев на дорожку крови, проступавшую сквозь рубашку Аларика. — Жаль. А я-то уже порадовался.

— Вынужден вас разочаровать, сир. Я просто банально и старомодно... помогу вам.

— Нам не нужна ваша помощь, — возразил воин.

Скоро он поймет, насколько он не прав.

— Значит, вы неправильно информированы. — Аларик улыбнулся. — Я предложу вам кое-что, что по-настоящему вам нужно.

— Вы не знаете, что нам нужно.

— Вы в этом уверены? Предполагаю, вам не помешала бы возможность заглянуть в будущее. Вы хотите предстать перед Повелителем дэмов, не так ли?

Молчание троих сказало достаточно: да, это было так, и они выглядели возмущенными тем, что Аларик об этом знал.

— Не переживайте, это известно лишь немногим.

— Чего вы хотите? — прорычал воин.

— Вопрос в том, чего вы будете хотеть от меня, когда я договорю до конца. Знаете ли вы, что уже опоздали? Сегодня днем группа наемников пересекла границу Царства дэмов.

— Еще кто-то ищет Дес... — спросила одна из женщин, но вторая жестом заставила ее замолчать.

Аларик пожал плечами:

— Кто знает, кого они ищут. Проклятых там в избытке. Но, как говорят легенды, отпустят только одного. — Он слегка понизил голос: — На рынке говорят, что границы закроются после того, как они пройдут, и откроются лишь через несколько дней. Так что вы уже опоздали. Какая удача, что я как раз могу предложить вам время.

Мысль о том, что ему предстоит поделиться с ними своим бесценным временем, причиняла боль Аларику уже сейчас. Но он должен был дать им причину взять его с собой, и за это, так или иначе, нужно заплатить. Без Искателя ему не перейти границу, и, только оказавшись по ту сторону, он сможет позаботиться о том, чтобы Кадиз Хелльна остался в Царстве дэмов. Они *должны* взять его с собой, и, даже если ему для этого придется раздеться догола и станцевать перед ними стоя на руках, он сделает это без сомнений.

— И правда, какая удача. — Воин посмотрел на Аларика, словно обдумывая, как насадить его на шомпол, пожарить до хрустящей корочки и подать с луком и хлебом. Но все же не стал его прогонять. — И по счастливому стечению обстоятельств ваше время еще и недорого стоит, да?

— Практически даром.

— Вот это совпадение, — сказала вторая женщина стеклянно-чистым голосом, и кровь Аларика словно превратилась в ледяную воду. Он знал этот голос, знал эту женщину. Только сейчас он посмотрел на нее — и теперь не понимал, почему он не узнал ее сразу. Ее лицо скрывала тень свободного капюшона, так что он не видел ни ее зеленых, слегка раскосых глаз, ни веснушек. Но он должен был узнать ее по позе, по тому, как она двигалась: гордая и прямая, как придворная дама, и при этом ловкая и мускулистая, как девушка, которая изо дня в день занималась тяжелой работой.

Лэйра.

Изгнанная дочь, ничья дочь.

Он знал ее как Лэйру, не задумываясь о том, кем она была на самом деле: Луилэйра эс-Ретнея, принцесса Немии, единственный ребенок князя.

Оставаясь верной изгнанной матери, она выбрала жизнь в изгнании, и потому при дворе восхищались ее непреклонностью и мужеством.

А потом появился Аларик. Целое лето он провел рядом с Лэйрой, предаваясь иллюзиям о счастье и свободе. И о любви.

Только для того, чтобы потом разрушить все, что оставалось в ее жизни.

Обжигающие угли, жаркое пламя! Здесь-то она что делает?

— Аларик Колэ. — Лэйра медленно, но решительно подошла к нему, скрестив руки и слегка наклонив голову, прищурился зеленые глаза, как кошка, сосредоточенная исключительно на своей беспомощной добыче. Ее взгляд совершенно лишил его самообладания, и дело было не только в том, что раньше он никогда не сталкивался с ее снисходительностью.

— Почему меня не удивляет, что я снова вижу тебя здесь? Здесь, куда стекаются лжецы и предатели? Что ты *совершенно случайно* собираешься продать мне как раз то, что мне *якобы* нужно?

— Я... я не знал, что ты... как раз... Лэйра...

— Что? — она прервала его хрипкое бормотание. — Как обычно, оказываешь князю мелкие услуги?

— Нет. — Его губы разжались беззвучно, и ему пришлось шепотом повторить еще раз: — Нет. Я уже три года не видел князя. Я был в Эшриане.

— Лучше бы ты там и оставался. — Разумеется, она не верила ни единому слову. Но на ее месте он вел бы себя точно так же.

— Так что ты здесь делаешь, Лэйра? — Он облегченно рассмеялся, догадавшись, что, наверное, по ошибке принял их за тех, кого он ждет. — Решила посетить тот рынок неподалеку, верно?

Ее лицо не дрогнуло, и он понял ответ.

— Ты хочешь отправиться в Царство дэмов?

— Хочу? Я бы предпочла какое-нибудь другое слово, но, в конце концов, ты совершенно прав. Я хочу туда отправиться.

— Нет, — произнес он, почти умоляя. Но если Лэйре что-то втемаяшится в голову, она не отступится. Еще маленькой девочкой она никогда не принимала поспешных решений и всегда все тщательно обдумывала. — Зачем... я хочу сказать, что тебе там нужно?

Она медленно прищурилась, а затем подняла бровь.

— Наверное, я сплю. Герой, которого я так долго ждала, пришел, чтобы меня спасти. — Она подошла поближе, так близко, что он мог бы ее коснуться, хотя это была определенно глупая идея. — Ах нет, погоди. Я не ждала героя, и меня не надо спасать, и не надо говорить мне, что делать и чего не делать. А даже если бы это было так, — ее взгляд скользнул по его груди и по запачканной рубашке — он почти что ощутил этот взгляд, словно прикосновение, — тогда ты был бы последним, к кому я прислушаюсь. Самым последним. Вон та лошадь даст мне лучший совет, чем ты. Так и передай своему приятелю, князю.

До этого момента Аларик не подозревал, что она способна на столь ядовитый сарказм.

— Лэйра, пожалуйста, послушай меня еще секунду. Я больше не связан с князем и никогда не буду связан. Клянусь тебе. Ты не знаешь, во что ввязываешься, ты...

Она резко перебила его:

— Нет. У меня нет времени на пустые слова. Они меня не интересуют.

Если бы он только мог объяснить ей, почему ему тогда пришлось ее выдать. Слова обжигали ему рот, как горящие угли, ему хотелось выплюнуть их. Но он не мог.

Заклятие долговой печати не просто запрещало произносить определенные слова, оно делало объяснение невозможным.

Даже мельчайший кусочек истины заставит его пойти на еще большую ложь. Он уже ощущал, как оковы на коже испускают холодный свет — предупреждение о том, что случится, если он произнесет запретные слова. Они убьют его, а эту цену он заплатить не мог. Пока еще не мог. Пока жизнь Калейи зависит от него.

— Уйди с дороги, — сказала Лэйра, хотя она и так могла пройти мимо него.

Он перебирал варианты. Она не отступится, это просто не в ее духе. Очевидно, в плену у дэмов оказался кто-то, кто ей дорог. Достаточно дорог, чтобы она оставила в одиночестве свою больную мать?

— Кого ты ищешь? — Ему понадобилось приложить огромное усилие, чтобы голос звучал ровно.

Она посмотрела ему прямо в глаза, так пристально, словно читала его мысли, но ничем не выдала, что именно она увидела. О том, что она злится, можно было догадаться только по крошечной складке между бровями. Взгляд ее изумрудно-зеленых глаз оставался мягким, губы нежными и слегка приоткрытыми. Как и тогда, когда Аларик впервые спросил ее, как бы она отнеслась, если бы он дотронулся до них своими губами. По вкусу ли ей будет поцелуй.

Теперь взгляд Лэйры следовал по новой траектории, которую он ощущал всей кожей: вдоль линии из крошечных белых точек, которые начинались у уголка его левого глаза, тянулись по веку, дальше за ухо, переходили на шею, на затылок, а дальше — этого она, конечно, не могла увидеть под одеждой — покрывали грудь и спину. Какие-то из его татуировок были знакомы Лэйре, другие были новыми. Но она понятия не имела, что они были нужны, чтобы скрыть его магические оковы.

— Кого я ищу, тебя не касается, — голос прозвучал мягче, словно мысль о человеке, оказавшемся в плену, ее успокоила.

— Что плохого может случиться, если ты мне скажешь?

Она приподняла уголок рта, словно намекая на холодную улыбку.

— Предполагаю, что многое, но ты все равно выяснишь все, что захочешь узнать, — произнесла она, подняв голову. — Я отправилась к Повелителю дэмов, чтобы требовать от него освобождения моего возлюбленного.

Возлюбленный.

Ему пришлось сглотнуть. Конечно, такая женщина, как она, найдет мужчину, который сможет отдать ей свою любовь, свободно и без принуждения. Он же, напротив, причинил ей вред, нарушил ее доверие; поэтому она разговаривала с ним жестко и отстраненно.

Ради человека, который не растоптал ее чувства, Лэйра была отзывчивой, верной и готовой преодолеть все свои страхи. К сожалению, она из тех женщин, которые ради любви без колебаний отправятся к Повелителю дэмов.

Ах, Лэйра. Почему именно ты?

— Прощай, Аларик.

Ее прощальные слова прозвучали тихо и неожиданно искренне. Она отошла, завернувшись в плащ. Вторая женщина тут же подбежала к ней и заговорила с ней. Солдат тоже что-то пробормотал, но Лэйра решительно покачала головой.

— С этим человеком, — громко произнесла она, бросив взгляд в направлении Аларика, — я не стану иметь дела.

Станешь, с сожалением подумал Аларик. У нее есть цель, и она будет к ней стремиться. В этом она ничем от него не отличается. *Я бы многое отдал, чтобы мне не пришлось на это идти, но тебе придется иметь со мной дело, Лэйра.*

ГЛАВА 8

ЛЭЙРА

Аларик Колэ.

В этом путешествии я готова была к встрече с любыми ужасами, но не к тому, чтобы увидеть его снова. Все мои намерения оставаться независимой и спокойной, как это пристало немийке, пошли прахом в его присутствии. Когда он был рядом, кровь кипела в моих венах; даже камушек на моей шее внезапно становился горячим и тяжелым, и, несмотря на круглую форму, у него словно появлялись острые грани. Аларик Колэ каждый раз пробуждал ту часть меня, которой мне вообще не следовало бы обладать и которую я всю жизнь пыталась укротить, потому что она раз за разом приносила мне одни неприятности.

Насколько велики были эти неприятности, я до этого момента в полной мере не понимала. Аларик мог убеждать меня в чем угодно, я была уверена, что он уже направился к князю, чтобы донести ему: я без разрешения покинула место изгнания. Если у мамы из-за этого будут неприятности... проклятье! От злости у меня выступили слезы. Готов ли Йеро убить его, если я его попрошу?

Я предупредила остальных, чтобы они избавили меня от вопросов. Вика явно заметила, насколько хрупко и уязвимо мое самообладание, поэтому предпочла не выяснять, что будет, если рухнет последний барьер.

Мы молча шли дальше по горной тропе. Мне всегда казалось, будто ее по расщелине между скал проложило само время. То и дело путь между каменной стеной и ущельем становился настолько узким, что неверный шаг стал бы последним; лишь из-

редка горы позволяли бросить взгляд на низину, которая, как и почти всегда, оставалась в тени. Ах, если бы воспоминания могли скрыться из виду так же легко, как обнищавшие низинные деревеньки.

Подойдя к постоялому двору, мы с Викой остановились чуть поодаль от него, наблюдая за другими путниками. В том, чтобы на подступах к рынку подождать, пока пройдут другие, не было ничего необычного — здесь всем было что скрывать. Йеро один вошел в конюшню рядом с постоялым двором, чтобы оставить там наших коней. Он тут же вернулся, по-прежнему ведя Лассу в поводу и ругаясь на то, как дорого здесь стоит оставить лошадь «на неопределенное время». Вика только улыбнулась. Если у нее чего и было в избытке, так это шиллингов, и затраты на содержание лошади были бы ничтожными по сравнению с тем, что ей пришлось потратить, чтобы избавиться от своего настоящего теплохранителя. Тому пришлось отправиться в Лиаскай, туда, куда якобы хотела и Вика, чтобы посетить известный храм — идея, которую поддержали и ее родители, поскольку некоторое желание посмотреть мир входило в число качеств, которые молодая немийка ее положения должна была привносить в отношения с супругом.

— Ты хочешь взять с собой Лассу? — возмущенно спросила я у Йеро.

— Ласса последует за мной туда, где не светит солнце, — невозмутимо возразил он, потрепав лошадь по шее. — Говорят, в Царстве Повелителя дэмов нет ветров. Так что она нам пригодится.

— Думаю, там вряд ли найдется существо, которое не смотрит на лошадь как на еду.

— Ласса умеет за себя постоять. А я смогу ее защитить.

Я понятия не имела, как лошадь сможет перебраться через Разрушенный мост или защитить себя от жаждущих крови голодных дэмов. Но Йеро лучше меня знал, на что шел.

— У нас есть другая проблема, — сказал он, оглянувшись на трактир, хозяин которого как раз вышвыривал на улицу компанию вопящих и шатающихся молодых людей.

Я тут же насторожилась.

— В чем дело?

— Похоже, твой старый друг сказал правду, — пробурчал Йеро.
— Аларик? — я фыркнула. — Он всегда выглядит так, будто говорит правду, но это ничего не значит. И он уж точно мне не друг.
— Он сказал, что одна группа уже отправилась к границе. В конюшне говорят то же самое. Какой-то мужчина и *пятерня* паладинов.

Проклятье. Проклятье!

— И это правда? Границы Царства дэмов действительно станут непроницаемыми?

— Да, на какое-то время.

Я поняла то, чего Йеро не произнес вслух, но что слышалось в интонации его встревоженного голоса: эта задержка отбросит нас далеко назад.

— То, что они были здесь раньше нас, ничего не значит, — решила я. — Мы поспешим и, возможно, их перегоним.

Вика молча шла рядом. Мы двинулись дальше пешком, следя за тем, чтобы никто не заметил, куда мы свернем. Их незаданные вопросы кружились вокруг меня, словно стайка мелких хищников. Я обязана была объяснить Вике, в чем проблема с Алариком. На мгновение мне показалось, что я не в состоянии это сделать. Он причинил мне невыносимую боль, и каждое слово о нем, которое я произносила вслух, будет достаточно острым, чтобы вспороть мою защиту и чтобы неконтролируемо и неудержимо выпустить на свободу все мои чувства; а я останусь бледной, слабой и обескровленной. Сейчас я не могла себе этого позволить. Мне нужна вся моя смелость и все мои силы, если я хочу спасти Десмонда.

Десмонд. Я мысленно шептала его имя, вызывая перед внутренним взором его лицо, его рот, который редко улыбался, его умные зеленые глаза. Десмонд никогда не причинял мне боли. Мы могли ссориться, но он никогда не позволил бы себе отбросить меня, как бесполезный камень, принятый за драгоценность лишь по ошибке.

Если бы только я смогла забыть, как сильно я была влюблена в Аларика Колэ. Если бы только я смогла забыть весенний праздник три года назад, когда он появился словно из ниоткуда. Если бы я только смогла забыть, как он превратил для меня горестную, забытую всеми деревню в низине в прекраснейшее место на земле.

Мы стояли напротив рыночной площади, празднично украшенной разноцветными фонарями и смеющимися лицами, и не двигались с места — но при этом все же танцевали.

Он улыбался мне — искренней улыбкой, от которой у меня покалывало в животе, и дело было не только в том, какой красивой эта улыбка казалась. Она была теплой, словно весна уже привела за руку лето, а мои заботы, которые только что так громко и требовательно напоминали о себе, сменил уютный покой. Она была приглашением, эта улыбка — приглашением на мгновение о них забыть. И я с благодарностью принимала его. Его взгляд скользил по танцевальной площадке, будто синхронно с моим. Наши взгляды двигались слитно, переплетаясь друг с другом, в ритме музыки, кружась и меняя направления. Мы не смотрели друг на друга, и все же не видели никого больше. Мне казалось, будто мы наблюдаем за одной и той же невидимой парой, которая от души празднует начало весны, и у меня возникало ощущение, что я выхожу за пределы времени и смотрю на саму себя. На саму себя в будущем, быть может, через несколько часов.

Но на самом деле через несколько часов он исчезнет и начнется дождь.

Праздник начала весны грозил окончиться разочарованием. Фонари мигали и чадили от дождя, ноги танцоров разбрызгивали воду из луж, края юбок набухали влагой, из-за чего платья, несмотря на яркие цвета, казались тяжелыми и печальными. Я дважды станцевала одна, заставляя себя улыбаться, потому что не хотела, чтобы мое настроение зависело от дождя, который иногда случается весной, или от молодого человека, которого я вообще не знала.

Когда Теобо Хеннигс, сын аптекаря, предложил мне напиток и в обмен на это пригласил на танец, как это было принято, я порадовалась этому жесту. Деревенские парни довольно долго посматривали на меня с недоверием, но постепенно — с того момента, как мы с матерью перебрались сюда, прошло уже два года — они начали принимать меня.

— Может быть, она потанцует с тобой позже, — произнес спокойный, уверенный голос у меня за спиной, как раз когда я кивнула Теобо и взяла у него стакан. — Но, конечно, только если я сейчас поведу себя как идиот.

Я не двинулась с места, но мой рот изогнулся в какой-то новой улыбке, не такой, как раньше. Можно ли узнать кого-то по голосу, если раньше ни разу его не слышал? До этого момента я бы поспорила. Теперь я точно знала.

Он все-таки не ушел.

Теобо с улыбкой наклонил голову. Его пренебрежительное отношение к этой провокации показывало, что он не привык к настоящей конкуренции. Среди простых, часто нищих людей здесь, в долине, его семья была самой состоятельной. Любой другой, кроме Теобо, уже воспользовался бы возможностью как следует подраться.

— Ты в любом случае ведешь себя как идиот, — ответил он моему незнакомцу. — Ты не здешний.

— Уж конечно, не здешний.

— Тогда я тебе объясню, как тут все устроено. Принеси Лэйре напиток, предложи его ей, и, если она его примет, можешь с ней потанцевать. Но не выделывайся и не удивляйся, если она тебя отвергнет. Потому что я-то не собираюсь вести себя как идиот.

Конечно, он не рассказал ему, что выбор напитка — символа желаний, которые мы загадываем с наступлением лета — имел решающее значение, и, ошибившись, было ужасно легко выставить себя на посмешище. Но на его месте и я бы не стала этого делать. Я бы уговорила этого таинственного незнакомца подождать, чтобы не быть невежливой по отношению к Теобо, но его дальнейшее поведение оказалось для меня неожиданностью. Незнакомец забрал бокал у меня из рук, опустошил его одним глотком и вернул Теобо. Из-за такого уж точно началась бы потасовка, если бы Теобо не обладал необычной для семнадцатилетнего парня рассудительностью. Он смерил чужака взглядом и ограничился тем, что сжал свободную руку в кулак и прорычал:

— Что ты о себе воображаешь?

По сути, это был справедливый вопрос, за которым следовал еще один: как я могла с этим согласиться?

Но самое позднее в следующее мгновение, когда я повернулась к незнакомцу, наши взгляды встретились и продолжили танец, словно и не прекращали его, и я, тоскующая шестнад-